

18+

НАТАША ШТОРМ

ПАПОЧКА

СИНДРОМ РАЗБИТЫХ КОЛЕНОК

Наташа Шторм

**Папочка. Синдром
разбитых коленок**

«Издательские решения»

Шторм Н.

Папочка. Синдром разбитых коленок / Н. Шторм —
«Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-963036-0

Мысли путались. Я не знала, что теперь делать. По закону Игнат стал моим отцом. Мои акции перешли к нему. А у меня? Что осталось у меня? Да ничего, ни дома, ни семьи, ни средств к существованию. Значит, нужно заработать те самые средства и скрыться, скрыться так, чтобы никто и никогда не смог бы меня найти.

ISBN 978-5-44-963036-0

© Шторм Н.
© Издательские решения

Содержание

Пролог	6
Глава 1	10
Глава 2	18
Глава 3	29
Глава 4	31
Глава 5	33
Конец ознакомительного фрагмента.	40

Папочка. Синдром разбитых коленок

Наташа Шторм

© Наташа Шторм, 2024

ISBN 978-5-4496-3036-0

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Пролог

— Вась, ты точно решил идти один?

— А чего мне бояться, Севыч? Толик наш друг. Афган вместе прошли, как никак.

Всеволод Сергеевич подошёл к окну и взглянул на свинцовые тучи, до которых, при желании, он мог дотронуться рукой. Дождь накрыл Москву серым покрывалом. Крошечные, точно муравьи, люди, прячась под зонтами, сгибаясь от ветра, спешили по своим делам. У каждого из них были свои собственные нерешённые проблемы и своя персональная головная боль. Но эти проблемы казались им глобальными, а боль нестерпимой.

Судьбе безразлично, где ты находишься в данный момент времени, тут, наверху небоскрёба, в уютном кресле председателя совета директоров огромной газодобывающей корпорации, или там, внизу, под проливным дождём. Проблемы есть у всех, у каждого свои. И даже табличка на дверях кабинета с золотой гравировкой «Максимов В. С.» оберегом не является.

— Толика мы давно вычеркнули из списка друзей. Разве не заметил?

Василий Дмитриевич широко улыбнулся и потянулся за чайником. Ох, умела Танюша чай заваривать!

— Не бузи на Толяна. Ну, ошибся человек разок, с кем не бывает? Теперь осознал, назад просится.

— Ошибся? — Всеволод Сергеевич ослабил галстук и открыл окно. — Да он предал нас, наше дело, всё то, на что мы жизнь положили. — Сердце вновь неровно застучало. Аритмия, мать твою. — Толик продал двадцать один процент акций нашим конкурентам. И это ты называешь ошибкой? Вспомни, нас тогда чуть по кускам не растащили.

— Ну не растащили же. Да и когда это было? Только горячий парень, настоящий Сорвиголова. Деньжат лёгких захотел по молодости, по глупости.

— Мы тоже молодыми были, но мозги иногда включали.

Василий Дмитриевич допил чай и довольно крякнул.

— Ладно. Мне пора. Послушаю, чего ждёт от нас товарищ Савельев. Говорит, не с пустыми руками влиться желает. Фирма у него, небольшая, но крепкая. Газопроводы чинит на Дальнем Востоке. Сахалин, Курилы, Камчатку — всё под себя прибрал.

Максимов фыркнул.

— Прибрал, говоришь? Даже не удивлён. А теперь чего ему надо? В Москву захотелось? Лично я против. Так ему и передай, господин Тулинов.

Тулинов усмехнулся и, невзирая на лишний вес, легко поднялся с кресла и пересёк просторный кабинет. У двери на минуту задержался и оглянулся.

— Ты, если что, Севыч, оболтуса моего доучи. Парень он башковитый, да молодой. Кабы глупостей не наделал.

Когда шаги друга утонули в тишине необъятных коридоров, Максимов занял кресло во главе стола и задумался. Неведомое седьмое чувство, названное интуицией, ни разу не подводившее его, требовало решительных действий. Ох, не нравилась ему эта встреча, на которую так рвался Василий. Казалось, Всеволод Сергеевич предусмотрел всё, и охрану выделил надёжную, и наружку послал. Разве что лётчиков не подключил. Но и вертушка находилась в состоянии полной боевой готовности. Теоретически, с Васькой не могло произойти ничего плохого. Так почему же сердце стучало, как сумасшедшее, и противно сосало под ложечкой?

— Танюша, Игоря ко мне.

Рука, сжимавшая телефонную трубку, заметно дрожала.

— Сию минуту.

Максимов улыбнулся. С Татьяной ему повезло. Та могла достать из-под земли кого угодно и где угодно за одно мгновение.

Не прошло и пяти минут, как в кабинете появился высокий мужчина, удивительно похожий на своего шефа. Он бесцеремонно развалился в кресле и сложил на груди огромные руки.

— Случилось что-нибудь, папа?

Всеволод нахмурился.

— Сколько раз тебе повторять, Игорь? Папкать на даче будешь. Мы всё-таки в официальном учреждении находимся. И я, как-никак, твой непосредственный начальник.

— Ладно, ладно. — Молодой человек вытянулся по струнке. — Так что же всё-таки случилось?

Максимов и сам не знал, с чем связана его тревога.

— За Ваську переживаю, мать его. Ты всё выполнил?

Игорь кивнул.

— В ресторане сидят мои люди, двор по периметру оцеплен, да и кортеж Савельева поведут. Что ещё? Улицы мы проверили. На пустыре три снайпера. — Он печально улыбнулся. — Пап, ну ты чего? Тулинова охраняют, как президента.

Всеволод Сергеевич вновь прошёлся по кабинету. Что не давало ему покоя? Кажется, он понял. Этот чёртов пустырь. Но миновать его по дороге в новомодный ресторан в пригороде, оказалось невозможно. Почему Савельев назначил встречу именно там? Что, ресторанов в Москве мало?

— Пап, ну хочешь, я сам всё проконтролирую?

Максимов кивнул.

— Да, Игорёк, так будет правильно. Только ни во что не ввязывайся.

— Разрешите выполнять, товарищ полковник?

— Шуруй, старлей.

Игорь поднялся с кресла и подмигнул отцу.

— Всё будет тип-топ, батя.

Когда дверь закрылась, Всеволод Сергеевич подошёл к окну, широко распахнул створки и подставил лицо холодному влажному ветру. Ноябрь, чёрт бы его подрал. Уже завтра к обеду дождь перейдёт в мокрый снег, и вскоре зима полностью вступит в свои права, покроет тротуары тонкой ледяной коркой, запорошит деревья, завьюжит, завоет, развернётся и разгуляется, а потом будет долго бороться с весной и, в конце концов, неохотно уступит ей место, швыряясь комками серой грязи. Эх, дожить бы до весны!

Бронированная иномарка отъехала со служебной стоянки, подмигнув задними фарами. Это был некий ритуал. Игорь знал, отец стоит у окна и провожает его взглядом. Игорёк! Гошка! Эх, жаль, офицера из сына не получилось. Прервалась династия. Списали комвзвода уже на третьем году службы. А вот начальник департамента собственной безопасности вышел из парня вполне приличный. И пусть злые языки до сих пор мусолили назначение на руководящую должность Максимова-младшего, но он-то знал, на что способен его отпрыск. А на каждый роток не накинешь платок! Всеволод Сергеевич поёжился и прикрыл окно.

Он не любил зиму. Так уж случилось. Много лет назад, полуживого, его доставили из Афгана в московский госпиталь. Лишённый возможности шевелиться, он лежал на кровати, всматриваясь в одну точку немигающим взглядом. Кусок потолка, да серое зимнее небо. Тогда он хотел умереть. Быть обузой для матери и молодой красавицы-жены казалось невыносимым. Но судьба распорядилась иначе. Максимов не только поднялся на ноги, но и взлетел на самую вершину. А теперь? Чего он теперь хотел от жизни? Что ждал? О чём молился? В пятьдесят с небольшим Всеволод Сергеевич желал лишь счастья и здоровья своим близким. Он мечтал погулять на свадьбе сына, выдать замуж дочку, дожидаться внуков. Он грезил, как отойдёт от дел и поселится в деревянном доме у запруды, как будет рыбачить на зорьке, ходить босиком по росе, пить парное молоко, словно в далёком детстве, у бабушки.

Внутренний телефон замигал и выпустил звонкую трель.

— Всеволод Сергеевич! Савельев на проводе. Соединить?

Опять противно засосало под ложечкой.

— Соединяй, Танюша.

Трубка зашипела.

— Здорово, Севыч. Или тебя принято теперь величать господином Максимовым?

Голос бывшего друга казался хриплым и глухим.

— Чего надо?

Савельев рассмеялся, а потом закашлял.

— Значит, не простил. Да ладно, Бог с тобой. Я звоню предупредить, что не прилечу. Инфаркт перенёс. Только из реанимации перевели. Словом, врачи летать не рекомендуют. Документы по почте вышлю или с курьером. Так надёжнее будет. А ты изучи. Вдруг заинтересуешься.

Максимов проглотил комок в горле.

— Что значит, не прилетишь? Твой секретарь подтвердил встречу.

Абонент на том конце помолчал.

— Секретарь? Ты что-то путаешь. Это невозможно. Я распорядился всё отменить. Сам позвонил ради уважения, так сказать.

Рука с трубкой безвольно упала. Что это значит? Куда отправился Васька? Вот они, предчувствия. Нельзя затыкать внутренний голос, отмахиваться от очевидного. И пусть это очевидное недоказуемо, оно обязательно потянет за собой вереницу трагических событий. Максимов приказал себе собраться, тряхнул седой гривой и дрожащими пальцами набрал номер друга.

— Васька! Возвращайся немедленно.

— Отвали, Севыч, мы почти приехали. Кстати, чего Гошку за нами отправил? Мои ребята на пятом километре его танк засекли, по рации доложили.

На лбу Максимова выступил холодный пот. Значит, минут через пятнадцать, Игорь окажется на месте.

— Я сказал, назад, сержант! Савельев не прилетит. Там засада.

Связь неожиданно оборвалась. Несколько раз Всеволод Сергеевич пытался дозвониться другу. Тщетно. Отбросив телефон, он схватил рацию и покинул кабинет.

— Стас! Готовь вертушку.

— Всё готово, товарищ полковник.

Максимов уже бежал к лифту, не обращая никакого внимания на удивлённые взгляды своих подчинённых.

— Палыч! Трое на крышу, остальные в машину. В «Локус».

— Через пустырь? — уточнил начальник охраны.

— Да, да, быстрее.

— Слушаюсь, товарищ полковник.

Лифт бесшумно остановился на сорок восьмом этаже. Дальше пешком. Превозмогая боль в раненном колене, Максимов добрался до пятидесятого. Порыв ветра чуть не сбил с ног. Колючие льдинки облепили лицо, пробрались через воротник под рубашку.

— Товарищ полковник! Всё готово. — Командир экипажа пытался перекричать стихию. — Погода нелётная, но мы взлетим!

Устроившись в кабине, Всеволод Сергеевич нажал кнопку рации.

— Игорь! Как слышишь?

Сигнал шёл слабый, прерывался помехами.

— Батя, тут такое!

— Немедленно назад! Ни во что не ввязывайся.

— Батя...

Максимов сжал челюсти так, что послышался хруст зубов, и завыл.

Через секунду на борт поднялись трое вооружённых охранников. Стас надел наушники.
— Взлетаем.

Максимов прильнул к иллюминатору. Видимость отсутствовала. Машина нервно дёргалась, но упорно набирала высоту. Нет, в кадрах он не ошибся. Бывшие однополчане никогда не подводили. Для него они так и остались сынками, а он для них батей, или товарищем полковником.

— Через двадцать минут будем на месте.

Двадцать минут! Это же целая вечность! За это время может случиться всё, что угодно. Максимов пытался держать себя в руках, но больное сердце трепетало в груди, точно раненая птица. Только бы не подвело! Пусть потом, но не сейчас, когда на кону стояли жизни дорогих ему людей.

ОН не любил зиму. Всё ЕГО детство прошло в крохотном посёлке на самом крайнем севере. Бледный и болезненный, ОН выезжал к морю лишь на несколько дней. Отец, вечно занятой и недовольный, мог позволить им с матерью лишь эту малость. Но там, на тёплом побережье, ОН видел совершенно другую жизнь и совершенно других людей. Там ЕГО окружали не суровые нефтяники, а весёлые продавцы фруктов и радостные зазывалы морских аттракционов. А этот ни с чем несравнимый вкус сахарной ваты! Для НЕГО он так и остался вкусом детства, вкусом счастья.

ОН обошёл огромную воронку. Отдать должное, водитель оказался профессионалом. Сумел отклониться. Теперь его обезображенное тело валялось рядом с телами двух охранников и трёх снайперов. А вот и сам босс!

Киллер шагнул к истекавшему кровью мужчине. Два пальца на сонной артерии определили слабый пульс. ОН поднялся на ноги и достал из кобуры пистолет.

— Прощайте, Василий Дмитриевич. До встречи в аду!

Тулинов открыл глаза. В них не было страха. Лишь удивление.

— Ты? Но почему?

— Выживает сильнейший. Закон джунглей.

Холодное дуло переместилось на лоб жертвы, а потом раздался выстрел.

Вертолёт приземлился на пустыре. Максимов покинул машину первым, не обращая внимания на окрики охраны. Такое он уже видел много лет назад в раздираемом войной Афгане. А потом ему долго снились распаханые снарядами дороги, изуродованные тела, искорёженная техника. Сейчас тут, в Подмоскowie, творилось то же самое. Дым, запах гари и ненавистный привкус металла во рту. Посреди пустыря зияла огромная воронка. Две полыхавшие иномарки ярко освещали место бойни. Чуть поодаль, с разорванным капотом стоял искорёженный Джип.

Максимов завыл и кинулся к машине. Тело Гошки он увидел в кустах.

Глава 1

Десять лет спустя

Синдром разбитых коленок. Обычно он возникает в детстве и присутствует на протяжении всей жизни. Он не поддаётся лечению, его нельзя вытравить, вырезать, словно злокачественную опухоль, вырвать, как больной зуб. Он исчезает, чтобы в самый неподходящий момент появиться вновь и резать не тело, а душу на мелкие куски.

Кто в детстве не разбивал коленей? Вы, а, может быть Вы, уважаемая читательница? Будем считать, Вам повезло. Остальным же знакомо чувство, нет, не боли от кровоточащих ссадин, а ожидания того, что последует позже. Стенания мамы, тампон с зелёной и крик, громкий душераздирающий крик, заполняющий собой пространство. И, наконец, слёзы, горячие и бурные, смывающие ту самую боль и дарующие долгожданное облегчение.

Как много лет прошло с тех пор, но чёртов синдром следует за мной по пятам. Ожидание душевных страданий иногда становится невыносимым. Это даже хуже, чем сами страдания. Страшна не смерть, а её приближение, мучительна не боль, а её предчувствие. Но я научилась справляться. Нет, нежное сердце не стало жёстким, я не озлобилась и не превратилась в холодную расчётливую стерву, когда однажды мой великолепный мир иллюзий лопнул, как мыльный пузырь, и я столкнулась лицом к лицу с настоящей, невыдуманной жизнью. И эта жизнь началась в аэропорту Орли.

— Анастасия?

Высокий мужчина с копной белокурых волос, зачёсанных назад, широко улыбался. Я выронила сумку и, как дура, уставилась на незнакомца. Отличный, сшитый на заказ, тёмно-синий костюм выгодно подчёркивал все достоинства атлетической фигуры. Рубашка, подобранный в тон, самым чудесным образом гармонировала с золотистым загаром. Начищенные до блеска туфли делали образ красавчика практически идеальным. Я подняла взгляд и почувствовала, что моё сердце пропустило удар. Янтарные глаза незнакомца впитали в себя всё солнце этого летнего дня. А губы... Слишком пухлые для мужчины, слишком мягкие... Я вдруг представила, как они прикасаются к моим, и покраснела.

Да именно та самая встреча и стала началом моей новой жизни, в которой страшна не смерть, а её ожидание, мучительна не боль, а её предчувствие.

Шестью часами раньше.

— Постарайся быть пайнкой, дорогая — Мама свела края огромного чемодана и застегнула молнию. — Тётю Эльзу удар хватит, если ты отчебучишь фортель в своём репертуаре. Помни, ты порядочная девушка из интеллигентной семьи.

Пришлось кивнуть. Я летела во Францию на всё лето к двоюродной сестре отца. Планов выстроилось много, так много, что я боялась чего-то не успеть. Пришлось составить целый список. Прогулки по ночному Парижу, осмотр достопримечательностей и встреча с загадочным незнакомцем где-нибудь на набережной Сены. Я собиралась провести в самом прекрасном городе на земле пару недель, а потом махнуть на побережье, в дом у самого моря. Жак, муж моей тётушки, умело управлял яхтой. А что может быть чудеснее прогулки под парусами? Закрыв глаза, я представляла себя на палубе «Иностранки», разрывающей морскую гладь. Ветер трепал мои волосы, брызги летели из-под кормы и мелкими бриллиантовыми каплями опускались на тело... Да, в мои шестнадцать душа рвалась вверх, к новым впечатлениям, к эмоциям, к любви. Мне почему-то казалась, что та самая любовь придёт раз и навсегда, поглотит меня, растворит, превратит в совершенно другого человека.

— Ты меня слушаешь, детка?

Я вздрогнула.

— Да. Займусь языком. Тётушка обещала найти хорошего преподавателя.

— Учитель — лишь половина дела.

— Главное — это стремление. — Закончила я фразу, которую слышала от мамы каждый день.

Я подошла к зеркалу и поправила коротко остриженные волосы. Стрижка мне нравилась. Вот только почему мама настояла на такой причёске? Раньше моя коса являлась семейной гордостью, предметом хвастовства родителей перед родственниками и знакомыми. А теперь? Что изменилось теперь? Вчера к нам зашёл мамин парикмахер. А через пару часов я уже бегала по двору, демонстрируя охранникам свой новый имидж.

— Ты похожа на француженку, дорогая. — Приобняв за талию, родительница положила голову на моё плечо. — Как ты быстро растёшь, моя девочка! Как незаметно летит время.

— Мамочка! Не надо, пожалуйста. — Чмокнув дорогого человека в щёку, я вырвалась из объятий и закружила по комнате.

— Стой, егоза, опять шишки набьёшь!

Я рассмеялась.

— Ну уж нет. Последние полгода прошли без травм. Разве не заметила? Я уже большая. О-очень большая!

— Ладно, — мать махнула рукой, — наденешь вот это, большая ты наша.

Я с удивлением уставилась на костюм, висевший на стуле. В таком наша домработница Галина ходила по магазинам. Честно говоря, я думала, она забыла его по рассеянности в моей комнате.

— Не, я в этом не поеду. Он же старпёрский.

— Что? — мама схватилась за грудь. — Ты же обещала не выпускать из себя подобные словечки.

Словечки? Это я ещё сдержалась. Могла бы сказать нечто похлеще.

— Если я буду молчать, мой молодой растущий организм лопнет от избытка эмоций. И всё же...

— Ты наденешь это, детка. Так надо.

— Почему?

В голове пронеслась стая тёмных мыслей. Возможно, папочка обанкротился, и мы стали бедными? Что ж, бедность не порок. Я могу найти работу. Буду помогать семье. В кафе у школы как раз требовалась уборщица. При мысли о школе я содрогнулась. Как отреагируют на мою нищету одноклассники? Естественно, девчонки станут воротить от меня носы и шушукаться за спиной. А парни? Те не постесняются отпускать в мой адрес колкие шуточки. Значит, нужно живо переводиться из элитки в обычную альма матер, на окраине, туда, где меня никто не знает. А дом? Что будет с домом? Я с тоской осмотрела любимую детскую, которую отец обещал переделать под спальню. Где мы будем теперь ютиться?

— Эй, чего замерла? Быстро переодевайся и беги к отцу.

Выпустив на белый свет одинокую слезинку, я скинула модные вещи и облачилась в китайский ширпотреб.

Дом! Милый дом! Папа построил его сразу, как только демобилизовался, а уже потом доделывал и облагораживал. Тогда меня и в проекте не было. Я получилась случайно, когда родители перешагнули сорокалетний рубеж, и стала залюбленным и избалованным ребёнком. Московскую квартиру мы посещали редко. А тут, в Лошкино, мне отвели целый этаж со спальней, игровой и учебной комнатами. Я любила свой дом и знала каждую царапинку на стене и каждую трещинку на паркете. И что теперь? Пустить с молотка часть моей жизни? Нет, всю мою жизнь! Эх, была бы я чуточку старше, обязательно нашла бы выход.

Пройдя по длинному коридору, остановилась у кабинета, не решаясь войти. Подперев стену, устроилась рядом с огромным рыцарем в средневековых доспехах и осторожно прикос-

нулась к стальной перчатке. «Как ты думаешь, старина Генри, спросить отца напрямую или сделать вид, что ни о чём не догадываюсь?» Генри молчал. Впрочем, чего я ожидала от железного истукана? Глубоко вздохнув, сделала ровно два шага вперёд. Рука, взлетевшая, чтобы постучать в дверь, замерла в воздухе, когда я услышала, что папа говорит по громкой связи.

— Ничего не бойся, Наденька. Я рядом. Живи, как живёшь.

Женский голос всхлипывал.

— Сева! Он угрожает мне. Обещает расправиться, если я не продам акции.

Отец немного помолчал.

— Не понимаю, причём тут ты? После гибели Васи всё, за исключением дома и крохотной суммы на содержание, перешло вашему сыну. Игнат давно вступил в права наследства.

Я, наконец, узнала голос тёти Нади, давней подруги нашей семьи.

— Да, но мне кажется, звонивший этого не знает, а я ничего ему не сказала. Я боюсь, что с Игнатом может что-то случиться. Пусть думает, что я имею право распоряжаться этими проклятыми бумагами.

— Я тоже боюсь, боюсь за жену, боюсь за дочь. Но это не повод пускать их по миру.

Тётя Надя опять зарыдала.

— Севушка! Что нам делать? Может, продать всё и жить спокойно?

— Нет, милая. — Отец кашлянул. — Не для того мы с Васькой всю жизнь горбатились, чтобы наши дети нищими стали. Да и вряд ли нас оставят в живых. А ты не плачь. Я обязательно решу этот вопрос.

— Что ты решишь? Ты же за десять лет ничего не решил. Ты даже убийцу найти не смог. В версию о свихнувшемся вояке, из бывших, никто не поверил.

— Да, но убийца не проявлял себя до недавнего времени. Знаешь, Наденька, я не просиживал штаны. Я кое-что откопал, но это не телефонный разговор. Встретимся через пару часов.

— Ладно. — Надежда Алексеевна шмыгнула носом. — Жду вас с Тамарой в гости.

Я вновь нырнула в нишу и прижалась к стенке, чувствуя плечом холодную средневековую сталь.

«Всё ясно, старина Генри. Отец ещё не разорён, но уже на грани. Кому-то понадобилась его корпорация».

Я знала о трагедии, унёсшей жизни моего старшего брата и друга нашей семьи, смешного толстяка и балагура, Василия Дмитриевича. Но тогда мне исполнилось шесть. Всего лишь шесть. Горе от утраты Гошки, которого я обожала, притупилось, воспоминания поблёкли, боль подутихда. Но теперь над нашими семьями повисла очередная беда, гораздо страшнее банального банкротства. Меня так и подмывало вбежать в кабинет отца и крикнуть: «Отдай этим гадам всё! Пусть только оставят нас в покое!» Но я понимала, что никогда этого не сделаю.

Развернувшись, побрела в свою комнату, твердя, как мантру, что нужно доверять родителям. Они знают лучше, что делать, и как быть.

Я любила летние ливни, когда с неба на голову обрушивались тонны воды. Эта вода казалась удивительно тёплой, зеркально чистой, и тут, на нашей даче, пахла сосновой хвоей. Но сегодня мама настояла, чтобы я накинула целлофановый плащ Галюси.

— Разве вы не проводите меня?

Одинокое такси припарковалось у задних ворот.

— Так надо, детка. Помни, мы с папой любим нашу девочку.

Отец спустился в холл и крепко прижал меня к себе.

— Постарайся не огорчать тётю Эльзу. Надеюсь, вы подружитесь.

Мне не хотелось улетать. Я бы согласилась остаться дома и жить в чулане или под кроватью, лишь бы не расставаться с родителями. Дурные предчувствия разрывали тело на части.

Сердце трепетало в груди, словно пойманная в сачок бабочка, противно сосало под ложечкой, а к горлу подступала тошнота.

— Не волнуйся за меня, папуля. Береги маму.

Я чмокнула отца в гладко выбритую щеку и вдохнула запах любимого одеколона.

— Ступай. — Он легонько подтолкнул меня к двери.

Я пересекла двор, умудрившись подставить лицо тёплым каплям, кивнула нашему охраннику, дяде Пете, который трамбовал неподъёмный чемодан в багажник машины, и впрыгнула в салон.

Обогнув усадьбу, такси помчалось к выезду из посёлка. Я обернулась и сквозь пелену дождя увидела, как из центральных ворот выехали три бронированных автомобиля моего отца. Они выстроились в шеренгу и направились в противоположную сторону. В Москву.

Орли.

Глазом моргнуть не успела, как оказалась во Франции. Аэропорт гудел, как улей. Я растерялась. Отец сказал, что меня обязательно встретят. Вот только кто?

— Анастасия?

Высокий мужчина с копной белокурых волос, зачёсанных назад, широко улыбался. Я выронила сумку и, как дура, уставилась на незнакомца. Отличный, сшитый на заказ, тёмно-синий костюм выгодно подчёркивал все достоинства атлетической фигуры. Рубашка, подогнанная в тон, самым чудесным образом гармонировала с золотистым загаром. Начищенные до блеска туфли делали образ красавчика практически идеальным. Я подняла взгляд и почувствовала, что моё сердце пропустило удар. Янтарные глаза незнакомца впитали в себя всё солнце этого летнего дня. А губы... Слишком пухлые для мужчины, слишком мягкие... Я вдруг представила, как они прикасаются к моим, и, покраснев, опустила голову.

— Допустим. А Вы кто?

Мой голос предательски дрогнул. Казалось, незнакомец заметил это.

— Игнат Тулинов.

Сын дяди Васи? Не может быть. Я видела его, когда была совсем маленькой, и парень показался мне до ужаса противным. Теперь же от худющего длинновязого юноши не осталось и следа.

— А ты подросла. Когда мы встречались, тебе было лет пять? Ты носилась, как помело, и создавала слишком много шума.

Я улыбнулась.

— Шесть. А вы с Гошкой постоянно замыкались от меня в комнате или убегали на речку.

— Гошка! Царство ему небесное. Настоящим мужиком был. Ладно, пошли, сестричка. Отвезу тебя к тётке.

Он легко подхватил мой чемодан и, как ледекол, принялся расчищать дорогу в людском океане.

— Не отставай, иначе потеряешься.

Я почти бежала следом, досадуя на свой внешний вид. Нет, не так моё воображение рисовало встречу с любимым и единственным, коим в мгновение ока стал господин Тулинов. Сейчас я совершенно не походила ни на одну роковую красотку с обложек модных журналов. А так хотелось сразить Игната наповал. Так, что? Я влюбилась? С первого взгляда? Во дела!

— Запрыгивай.

Длиннющий, как крокодил, автомобиль, крякнул в ответ на щелчок сигнализации и подмигнул фарами.

Пока предмет моего внезапного обожания засовывал вещи в багажник, я удобно разместилась в просторном салоне и вдохнула запах кожи. Никаких освежителей и саше. Брутальный мужской аромат, без пафоса и излишеств.

— Ты была рыжей и толстой. — Игнат уселся за руль.

— А теперь?

Мужчина повернулся и провёл тонкими пальцами по моим волосам. Я почувствовала на щеке его лёгкое дыхание и вновь покраснела.

— Теперь твои волосы стали золотыми. И ты заметно похудела.

Я дёрнула головой, стараясь отогнать наваждение.

— Серьёзно? А, если ты рассмотришь меня под лупой, то поймёшь, что я ещё и вытянулась... вверх.

Игнат рассмеялся.

— Ты бойкая и строптивая. Это хорошо. Я ведь, как увидел тебя, решил, что встречаю кисейную барышню, готовую упасть в обморок при виде парня.

Стало как-то обидно.

— И вовсе я не кисейная. Если что, и ответить смогу, и в лоб дать.

Мой личный водитель потёр лоб.

— Верю, сестрёнка, и обещаю не нарываться.

Он завёл мотор, и крокодил плавно выплыл со стоянки. Громкий телефонный звонок заставил меня вздрогнуть. Что и говорить, в свете последних событий я находилась на пределе душевных и физических сил.

— Да. Слушаю. Что?

Игнат резко затормозил, развернул машину и вновь нажал на газ. Автомобиль взревел, очертил колёсами дугу на асфальте и понёсся по трассе, используя всю мощность двигателя. Я вжалась в кресло.

— Эй, потише.

— Держись.

Я наблюдала, как менялось лицо мужчины. Улыбка исчезла, на лбу залегла складка. Из бесшабашного парня он в одно мгновение превратился в сосредоточенного хищника, спасающего свою шкуру, а, заодно, и мою.

— Может, объяснишь, что случилось?

Игнат ловко маневрировал между бегущими в потоке машинами.

— Планы менялись. Ты наведишь своих родственников чуть позже.

— Это ещё почему?

— Так надо.

Я напряглась.

— Куда ты меня везёшь?

— Увидишь.

И вновь дурные предчувствия вцепились в меня пираньями.

— Я позвоню отцу.

Игнат выхватил телефон из моих рук и швырнул в окно под колёса встречных машин.

Что всё это значило? Возможно, он каким-то образом был причастен к папиным неприятностям, или даже являлся главным злодеем? Я взглянула на мелькавшие по обе стороны автомобили. Нет, выпрыгнуть на такой скорости не получится. Это равносильно самоубийству. Похититель перехватил мой взгляд и заблокировал двери.

— Пристегнись и успокойся. В данный момент тебе ничего не угрожает.

Утешил, чёрт подери. В данный момент... А что будет потом? Меня начнут резать по частям и отправлять родителям то пальцы, то уши почтовыми бандеролями?

На крутом повороте машину занесло. Сделав стойку на двух колёсах, крокодил вновь принял устойчивое положение, подпрыгнул и помчался вперёд. Пришлось пристегнуться и вцепиться руками в сидение. Мы проскочили указатель на Париж и свернули с магистрали. Противная тошнота подступала к горлу, голова кружилась, я была уже готова лишиться чувств,

когда автомобиль, наконец, въехал в небольшой городок. Игнат сбросил скорость и принялся петлять по узким улочкам, пока не припарковался у старинного особняка. Автоматические ворота беззвучно открылись, и мы очутились в просторном дворе.

— Выходи. Приехали.

Да, сказать всегда проще, чем сделать. Открыв дверцу, я буквально вывалилась на вымощенную потёртой плиткой дорожку. Ноги не слушались, руки дрожали. Поднявшись сначала на колени, а потом, кое-как выпрямившись, я облокотилась о капот, соображая, что делать дальше. Бежать сил не было, кричать бесполезно, — два соседних дома казались необитаемыми. А войти на своих двоих в шикарный особняк означало одно — добровольно оказаться в мышеловке и позволить захлопнуть за собой дверцу.

— Мне нужно позвонить. Родители волнуются.

Слабая надежда, что похищение является ничем иным, как бурной игрой воображения, лопнула, как мыльный пузырь.

— Сейчас мы войдём в дом и поговорим.

Ага, поговорим. Так я тебе и поверила. Возможно, я тут же окажусь в каком-нибудь подвале на хлебе и воде.

— Ну же, пошли, чего ты ждёшь? — Игнат держал в руках чемодан и сверлил меня взглядом.

Вдоль дорожек зажглись огоньки в предчувствии приближавшихся сумерек. Я смотрела в янтарные глаза, пытаюсь отыскать ответы на мучившие меня вопросы, но ответов в них не было. Боль, страх, отчаяние. Взгляд затравленного, загнанного в угол хищника, готового к последнему прыжку. Вот только чего он боялся?

Потеряв терпение, Игнат отбросил чемодан и схватил меня в охапку. Сил на сопротивление не осталось. Я обречённо сомкнула веки и позволила перенести обмякшее тело внутрь чёртова дома.

Яркий свет заставил зажмуриться ещё сильнее. Я нащупала пол под ногами и открыла сначала глаза, а потом рот. В центре необъятной гостиной стоял накрытый на двоих стол. Шампанское в ведёрке со льдом, устрицы, фрукты в старинной китайской вазе. Отблески свечей играли сотнями искр на стенках хрустальных бокалов. В углу весело потрескивал камин. И посреди такого великолепия стояла молодая женщина в полупрозрачном пеньюаре. Да, именно таких красавиц приглашали позировать самые модные фотографы, именно они украшали обложки глянцевого журнала, именно их улыбки сияли с голубых экранов. Отрепетированным движением незнакомка повела плечами, словно именно сейчас рекламировала дорожное неглиже. Кажется, я где-то её уже видела. Хотя все модели походили друг на друга, как родные сёстры. Высокая, тоненькая, с копной белокурых волос, с удивительно правильными чертами лица и с прозрачной фарфоровой кожей, она походила на куклу и великолепно вписывалась в интерьер дорогого особняка. Женщина удивилась не меньше нас или же хорошо разыграла то самое удивление. Густые ресницы захлопали, как крылья бабочки, отбрасывая на бледные щёки неестественно длинные тени, губки округлились, а бровки изогнулись дугой. Немая сцена длилась пару минут. Первым очнулся Игнат.

— Елена! Что ты тут делаешь?

Красавица проглотила комок в горле и запахнула на груди кружевной халатик. Поздно. Даже я оценила неестественный для такой худобы пятый размер бюста.

— Но ты... ты же сказал, что вернёшься к ужину. Вот-от, — она указала изящной ручкой на яства, — решила тебе сюрприз сделать. А ты сам явился с сюрпризом. Кто это?

Это? В первый раз меня отнесли к среднему роду. Да, выдающимися формами я не обладала, но не заметить во мне девушку мог только слепой.

— Где ты подцепил это чучело?

Я только открыла рот, чтобы выпалить ответную гадость, как Игнат схватил надменную хамку за локоток и грубо потянул к лестнице.

— Сейчас ты оденешься, вызовешь такси и свалишь. После поговорим.

Женщина взвизгнула.

— Отпусти. Ты делаешь мне больно.

— Быстро! — повторил Тулинов. — Не до тебя.

Я подошла к камину и устало опустилась на колени, протянув руки к огню. Дрожь, вызванная нервным перенапряжением и вечерней прохладой, понемногу отпустила. Прислонившись к деревянной панели, устало закрыла глаза. Сейчас я бы согласилась уснуть, где угодно: на кровати в тюремной камере, на жёстком матрасе в подвале, на коврике у двери, лишь бы меня оставили в покое.

Грохот и ругань на лестнице известили об отъезде Барби. Елена так громко стучала каблуками и причитала, что гудящая голова разболелась ещё сильнее.

— Можешь больше не звонить, чёртов убудок. Я тебе не девочка по вызову. Будь ты проклят!

Входная дверь хлопнула так, что кусок декоративной штукатурки свалился на пол и разлетелся на сотню кремовых кусочков. Да, судя по всему, Тулинов пользовался успехом у женщин. Будь иначе, вряд ли он стал разбрасываться такими экземплярами. Значит там, на улице, уже выстроилась очередь из моделей и актрисок, готовых занять вакантное место.

Через мгновение в холл спустился хозяин. Он держал в руке бутылку коньяка и два хрустальных стакана.

— Садись. — Игнат кивнул на кресло. — Разговор есть.

Я послушно переместила тело в громоздкий антиквариат и получила тару, наполненную до краёв, дурно пахнущей жижей.

— Пей.

— Не могу.

Дотянувшись до стола, Тулинов схватил персик и вложил в мою свободную руку.

— Выдохни и выпей всё до дна. А потом закусишь.

Сделав шумный выдох, я влила в себя треть стакана и закашляла. Спазм в горле и огненная боль в желудке никак не проходили. На глазах навернулись слёзы. Я свернулась пополам и только через пару минут получила возможность сделать вдох.

— Закусывай.

Каким-то мистическим образом Игнат оказался передо мной. Он встал на колени и протянул персик, который я успела выронить. Перед глазами поплыли разноцветные круги. Я пыталась донести мысль, но язык прилип к нёбу, а из горла вырвалось нечленораздельное мычание. И всё же, сосредоточившись, я прошипела:

— Не-ет. На нём ми-икробы.

Несмотря на странное состояние, я чётко помнила, что ничего нельзя поднимать с пола и тащить в рот.

Игнат усмехнулся и отошёл к камину. Облокотившись на изразцы, он долго смотрел на оранжево-жёлтое пламя, словно решаясь на что-то, будто оттягивая тяжёлый, но неизбежный разговор. Наконец, резко развернувшись, пристально посмотрел на меня.

— Твои родители погибли. Взорвались в машине. Прости, Настя, мне очень жаль.

Смысл сказанного доходил с трудом. Такого не могло быть. Я же рассталась с ними совсем недавно. События сегодняшнего утра закружились, как в калейдоскопе. Мама. В её глазах стояли слёзы. Она прощалась со мной, но не на три месяца. Она прощалась со мной навсегда. Отец. Его странный разговор с тётей Надей. Нелепая одежда. Угроза была более реальной, чем я думала. Именно поэтому меня в такой спешке отправили к Эльзе, именно поэтому не про-

водили. Родители выехали в другом направлении, пытаясь отвлечь внимание нашего палача. Вот только почему они ничего не сказали мне?

Синдром разбитых коленок. Предчувствия беды, терзавшие меня весь день, вылились в невообразимую боль, которая сжала сердце раскалёнными тисками, перекрыла кислород, свела судорогой мышцы. Я ждала слёз, горьких и бурных, которые могли принести хоть малую толику облегчения, но их не было. Что-то внутри меня хрустнуло и надломилось. Я потеряла свой внутренний стержень, свою опору. Мозг не хотел воспринимать, что теперь я осталась одна, совершенно одна в этом огромном жестоком мире, а сердце отказывалось в это верить.

Игнат присел рядом и приподнял моё лицо за подбородок. Его голос, глухой и тихий доносился, как из подземелья. Мне показалось, что повеяло могильным холодом, словно земля подо мной разверзлась и откуда-то из самой бездны, из ада, из Тартара, восстал злой дух, призрак Преисподней, желавший заполучить и мою душу.

— Настя, очнись! Настя-я-я...

Я больше ничего не слышала, просто падала в ледяную бездну, закрыв глаза, не имея ни малейшего желания сопротивляться.

Глава 2

— Это шок, Игнат. Она скоро очнётся.

Прищурившись, я увидела грузного старика с копной седых волос. Он сидел на моей кровати и держал холодную кисть в своих тёплых ладонях.

— Пульс в норме, сердцебиение ровное. Хотя... Не знаешь, в роду у неё сердечников не было?

Мой взгляд переместился в угол просторной комнаты, где под самым ночником, подперев стену мощным торсом, стоял Тулинов. Он только повёл плечами.

— Кажется, дядя Сева страдал аритмией.

Старик мягко улыбнулся.

— А... Синдром разбитых коленок. Панические атаки, сопровождаемые резким сердцебиением с нарушением ритма. Иногда это передаётся по наследству. Трудно сказать, что нужно лечить в первую очередь, мотор или голову. Но подобные личности обладают тонкой интуицией, голос которой нельзя игнорировать.

Я широко открыла глаза и тут же зажмурилась. Тусклый свет ночника казался невыносимым.

— О! Вот мы и очнулись. Славненько. Говорил же, глобальных проблем нет.

Я почувствовала, как выпрямился матрас, когда старик встал с кровати.

— Мне пора. Навещу вас завтра.

— Спасибо, док. — Игнат хотел проводить мужчину, но тот остановил его движением руки.

— Не стоит, мой друг. Я прекрасно знаю дорогу.

Когда дверь захлопнулась, я попыталась присесть. Голова немного кружилась, во рту пересохло. Тулинов молча протянул стеклянную бутылку с минералкой. Влив в себя всё содержимое, я почувствовала прилив сил.

— Даже не думай вставать. У тебя постельный режим.

— Надолго?

— Как будешь себя вести.

Вернув пустую тару, я в упор взглянула на мужчину.

— Как это случилось? Как погибли мои родители?

— Не сейчас. — Игнат всё так же подпирал стену. — Сначала ты восстановишься, а потом...

Я свесила ноги и попыталась встать.

— Ты себя слышишь? Как можно спокойно лежать, когда моих родителей... — я запнулась. Язык не хотел произносить то самое страшное слово.

Янтарные глаза блеснули нехорошим огнём.

— Запомни, Настя, пока я отвечаю за тебя, ты будешь слушаться меня во всём. Понимаешь? Во всём. Иначе я не дам за твою жизнь ни цента.

В моей душе возникло чувство протеста. Никто не смел так со мной разговаривать. Что он там вообразил? Уж в чём, а в его защите я нуждалась меньше всего.

— Отвези меня к тёте Эльзе. Я хочу, чтобы она отправила меня домой. Мне нужно достойно похоронить моих.

Честно говоря, я не знала, как готовится эта скорбная церемония, но там, в России, в нашем доме, остались взрослые люди, умные и рассудительные: наш охранник дядя Петя, Галина, следившая за порядком, и её муж, мастер на все руки, Егор.

— Я обо всём позаботился. Не стоит волноваться.

— Волноваться? — я перешла на визг. Спрыгнув с кровати, подскочила к Тулинову, сжимая кулаки. — Как ты можешь быть спокойным, когда погибли люди? Конечно, тебе наплевать. Это же не твои родители.

Я пожалела о том, что сказала. Игнат побледнел, резко отвернулся и вышел из комнаты. Я услышала щелчок замка и удалявшиеся шаги. Значит, Настя Максимова всё же превратилась в пленницу старинного особняка. И пусть пытаться и сажать на хлеб и воду меня никто не собирался, сути дела это не меняло.

Немного побродив по ледяному полу, я взобралась на широкий подоконник и обхватила колени руками. За окном занимался рассвет. Как странно. Там, во дворе, шелестели молодой листвой вековые дубы, переливались изумрудом аккуратно подстриженные дорожки, радуясь началу лета. А тут, в огромном доисторическом доме, царили холод и безысходность. Я чувствовала себя заживо погребённой в мрачном семейном склепе. Во мне, действительно, не осталось ничего живого. Душа окаменела, а сердце покрылось толстым слоем инея. И лишь одно желание держало на плаву. Найти и покарать. Убить, уничтожить, стереть в порошок человека, посмеявшегося сделать меня сиротой. Мсть. Лишь она давала мне силы жить дальше.

— Мисс Анастасья? — я оторвалась от грустных мыслей и удивлённо уставилась на симпатичную женщину лет пятидесяти, стоявшую в дверях. Невысокая, полненькая, с седой прядью в густых чёрных волосах, собранных на затылке замысловатым пучком, одетая в простое трикотажное платье тёмно-синего цвета, она излучала доброту и спокойствие. Мне так захотелось прижаться к ней, обнять, выплакаться и почувствовать, как она гладит меня по голове и шепчет слова утешения. — Меня зовут Жаклин. Вы говорите по-французски?

Я кивнула.

— Да, немного.

Женщина улыбнулась.

— О, у Вас прекрасное произношение. Я слежу за этим домом и за его хозяином. Ну... Вы понимаете, уборка, стирка, готовка. Теперь я буду следить и за Вами, юная мадмуазель.

Наверное, я неправильно истолковала смысл сказанного. Но слово «следить» больно резануло слух. Это опять напомнило, что я являюсь пленницей огромного дома, заложницей непоправимых обстоятельств.

— Где Игнат?

Жаклин пожала плечами.

— Господин Тулинов отправился на работу. Сегодня же пятница.

— На работу? В такую рань?

Женщина присела на стул.

— Вы не в курсе? Месье возглавляет крупную юридическую контору. Он сам является преуспевающим адвокатом.

Да, примерно так я и думала. Времени познакомиться поближе у нас с Игнатом не было. Но мне почему-то показалось, что он занимается именно юриспруденцией. Слишком аккуратный, слишком педантичный. И этот пронизывающий взгляд, от которого ничего не могло укрыться...

— Наши отцы дружили когда-то. А мы с месье практически незнакомы. И, если бы не печальные обстоятельства...

На глазах навернулись слёзы. Но они тут же высохли.

— Бедная моя девочка! — Жаклин подошла ко мне и обняла за плечи. От неё пахло ванилью и сдобой, кофе с корицей и ранними яблоками. — Ты поплачь, милая, поплачь. Тут нет ничего постыдного.

Я бы очень хотела прореветься, но глаза резало, будто в них попал песок, а слёз не было, хоть умри. Из груди вырывались хриплые стоны, похожие на рычание раненного животного, но боль, засевшая глубоко внутри, никак не находила выхода.

— Всё. Идём. Тебе нужно позавтракать. А после мы распакуем твои вещи.

В первый раз за всё это время я обратила внимание, что расхаживаю по комнате в длинной ситцевой рубашке, обшитой причудливым кружевом. Такая одежда не могла принадлежать Елене. Слишком простой и непривлекательной она казалась.

— Это я дала тебе свою новую сорочку. — Улыбнулась Жаклин. — Но месье распорядился повозить тебя по магазинам и приобрести всё, что тебе понравится.

Ах, какая щедрость! С чего бы это? Я приходилась Игнату совершенно посторонним человеком. Зачем ему тратить на меня?

Мы спустились в холл, где я имела неосторожность потерять сознание, и через узкий коридор перешли в столовую.

— Ты можешь посмотреть дом и выбрать себе любую спальню. Их тут шесть. Но не советую подниматься в мансарду. Там вотчина месье. Он не любит, чтобы посторонние разгуливали по его территории. — Женщина усмехнулась. — Я даже порядок там навожу не чаще, чем раз в месяц.

Да, Игнат оказался со странностями. Интересно, какие тайны скрывала его обитель? Мама считала, что комната многое говорила о своём хозяине. Возможно, стоит заглянуть туда?

— Скажите, Жаклин, а Елена? Она живёт в этом поместье?

Женщина покраснела.

— Мадемуазель Елена иногда остаётся на пару дней и всегда занимает золотые апартаменты. Но жить... До тебя в этом доме жила только одна женщина. И это я. Но теперь появилась ты. Надеюсь, мы подружимся.

Я пожала плечами и села за стол.

— Думаю, я тут ненадолго. Мне нужно вернуться в Россию. Понимаете, моих родителей больше нет. Но у меня есть тётя Эльза. Она обязательно полетит на похороны и возьмёт меня с собой.

Жаклин поставила передо мной плоскую тарелку с огромным куском яблочного пирога, налила чай в тонкую фарфоровую чашку и присела напротив.

— На всё воля Божья, девочка. Мы не знаем промысел Всевышнего, не ведаем, какие испытания нам уготовлены, но там, — она подняла вверх указательный палец, — всё давно решили за нас.

— Да. Верно. Вот мне не дано понять, почему погиб мой брат. Ему было лишь двадцать три. Он не воровал, не убивал, он никому не сделал ничего плохого. Он даже с девушками не встречался. Хотел сначала карьеру выстроить. А дядя Вася? Я помню его таким весёлым и неунывающим. В чём провинился он? А мои родители?

Жаклин тяжело вздохнула.

— Кто знает, малышка, возможно, они выполнили свою миссию на этом свете и ушли в лучший мир. Лично я считаю нашу земную жизнь ничем иным, как чистилищем для грешных душ. Мы все проходим испытания, получаем уроки, выполняем задания. И от того, как мы их выполним, зависит, вернёмся ли мы в то место, которое принято называть раем. Ведь верно подмечено, что плохих людей даже земля не принимает.

Я поняла смысл, но мои страдания слова доброй женщины не облегчили. Если бы знать точно, что после смерти мои родители попали в другой мир и продолжили своё бытие...

Мягкая ладонь опустилась на мою кисть.

— Ты верь, девочка, обязательно верь, что твои родные теперь на небесах, что они наблюдают за тобой и стараются направить по верному пути.

Я отодвинула тарелку с нетронутым пирогом.

— Спасибо за всё, Жаклин. Поем позже. Сейчас аппетита совсем нет.

— Тогда по магазинам?

Я отрицательно покачала головой.

— Мне ничего не нужно. И чемодан не стоит распаковывать. Как только появится Игнат, я попрошу его отвести меня к тёте Эльзе.

— Ты никуда не поедешь.

Я подпрыгнула и повернула голову. В дверях стоял Тулинов. От беззаботного парня, встречавшего меня в Орли, не осталось и следа. Мне показалось, что за ночь он состарился лет на пять. Поперечная складка пересекала лоб, у губ залегли упрямые морщинки, а такие тёплые янтарные глаза теперь излучали ледяное спокойствие.

— Жаклин, покинь нас на минуту.

Женщина кивнула, вышла из-за стола, и, покинув столовую, плотно закрыла за собой дверь.

— Что всё это значит? Можешь объяснить?

Игнат уселся напротив и прожёл меня взглядом.

— Тебя больше нет. Нет ни для кого, даже для тётки. Ты умерла, погибла вместе с родителями. Ясно?

— Ясно? — я вскочила на ноги. — Что происходит, чёрт возьми? Я всё ещё жива и хочу видеть тётю.

Тулинов больно схватил меня за руку.

— Повторяю в последний раз. Для всех ты умерла. Уяснила? А теперь извольте одеться, мадемуазель. Мы едем к нотариусу.

Я резко выдернула кисть, окинула мучителя ледяным взглядом и помчалась на второй этаж. Внутри всё хлопотало, но я решила не спорить. В конце концов, что могло помешать Тулинову посадить меня в чулан или сдать в психушку? Я находилась в чужой стране, в чужом доме с совершенно чужим человеком, который пребывал не в самом лучшем расположении духа. Я совсем не знала этого мужчину, не знала, что можно от него ожидать, чего стоило опасаться. К тому же проклятое седьмое чувство советовало подчиниться, сдаться хотя бы на время.

— Успокоилась? Иди в машину.

Проходя через холл, я взглянула на себя в огромное зеркало, висевшее у камина. Скромный брючный костюм от «GrassY» только казался таковым. На самом деле он обошёлся моему отцу, как подержанная иномарка. Мне не нравилось такое сравнение, но теперь, когда папы не стало, любая его шутка, любое слово, казалось уместным и правильным.

 # Зачем ты купил мне его? Он ужасно дорогой. # Я рассматривала обновку со смешанным чувством восторга и стыда. # Ты выбросил кучу денег.

Отец сгрёб меня в охапку.

 # А для кого я их зарабатываю? Для себя? Нет, милая, в гроб я всех рубликов не заберу, а вот видеть тебя счастливой для меня большая радость. Ты же хотела такой?

Я кивнула.

 # Да, но позже, когда он появится на распродаже.

Папа рассмеялся.

 # Тогда у всех твоих подружек появятся такие. А сейчас... сейчас поцелуй меня вот сюда.

Отец подставил щёку, и я звонко чмокнула его, с наслаждением втянув в себя запах любимого одеколона.

Я провела рукой по тонкой ткани, как в тот вечер. Мягкий шёлк тут же ответил на ласку лёгким шуршанием.

Да, сейчас я выглядела старше своих лет. А, может, дело не в костюме, а в том, что за последние сутки я прожила целую жизнь.

Крокодил плавно выплыл через открытые ворота, и мы заскользили по узким улочкам.

— Наверное, ты догадалась, что находишься в Руане?

Я содрогнулась.

— Этот тот самый город, где сожгли знаменитую Жанну д'Арк?

Игнат кивнул.

— А ещё тут была написана книга «Мадам Бовари».

— Прости, но мне не до экскурсий. — Я отвернулась.

Мы поехали в полной тишине. Родители всегда заезжали в Руан, когда навещали тётю Эльзу. А потом мама часами рассказывала в мельчайших подробностях обо всех достопримечательностях. Иногда мне казалось, что Францию я знаю лучше местных жителей. Да, мне хотелось увидеть всё своими глазами. Но сейчас я не испытывала ни малейшего интереса. Поэтому просто рассеянно смотрела в окно. Миновав площадь с огромным собором, который по красоте, как я помнила, мог сравниться лишь с Собором Парижской Богоматери, мы нырнули в лабиринт узких улочек, и вскоре покинули город.

Не прошло и часа, как автомобиль въехал в Париж. Улица Берже, 47. Серое трёхэтажное здание. Подъём по винтовой лестнице занял несколько минут. Я всё ещё чувствовала головокружение, поэтому вцепилась в перила, боясь скатиться кубарем вниз.

— Ты такая бледная. — Игнат ободряюще улыбнулся. — Ничего не бойся. Всё будет хорошо.

Всё хорошо? Вздор! Хорошо уже никогда не будет. Боль не исчезнет, не притупится и не померкнет со временем. Прошлое ушло безвозвратно. А будущее? Оно казалось сродни безысходности, мрачным и унылым. И этот мужчина... Я взглянула на него через плечо. Вроде обычный, милый, весёлый. Но что-то пугало меня, что-то настораживало. Что? Вспышки гнева? Требования беспрекословного подчинения? А, может, странный огонь, который несколько раз вспыхивал в янтарных глазах?

Тяжёлая дубовая дверь с золотой табличкой «Ангус Монро. Нотариус» бесшумно открылась, и перед нами возник невысокий импозантный мужчина лет шестидесяти. Клетчатый костюм, роза в петлице, лакированные туфли, тонкий запах парфюма. Образ стопроцентного француза. По крайней мере, именно так я их себе представляла.

— О, месье Тулинов! Рад видеть Вас. Проходите, пожалуйста, и Вы, юная мадемуазель.

Мы вошли в просторный кабинет, который модный нотариус делил со своей секретаршей.

— Келли, выпейте чашечку чая внизу. Мне нужно переговорить с клиентами наедине.

Длинноногая Келли кивнула, лучезарно улыбнулась и исчезла через долю секунды. Когда стук её каблучков стих, господин Монро указал на антикварные стулья, обтянутые золотистой парчой.

— Присаживайтесь, будьте так любезны. Надеюсь, тут Вам будет удобно.

Игнат отодвинул тяжёлый полированный раритет и помог мне усесться. Я осмотрелась. Роскошно. Видимо, месье Ангус не бедствовал. Дорогая мебель из дуба и липы, массивные кресла и диван, выполненные под старину, или же хорошо отреставрированные, живые цветы в китайских вазах. Нотариус подошёл к огромному сейфу, вытащил папку, а потом, усевшись напротив нас, протянул её Игнату.

— Две недели назад я получил заказную бандероль от моего близкого друга. Он просил передать кое-что Вам, Игнат, в случае чрезвычайных обстоятельств. К сожалению, эти обстоятельства имели место случиться. О чём я искренне скорблю. Но, не буду напрягать вас стариковским бурчанием. Читайте, молодой человек.

Тулинов раскрыл папку и уставился на первый лист.

Мои нервы напряглись до предела. Я понимала, что это письмо от моего отца. Иначе, зачем бы Игнат взял меня с собой? На холёном лице одна эмоция сменяла другую. Бесстрастность уступила место растерянности, а та перешла в едва сдержанную ярость. Тем не менее, Тулинов быстро взял себя в руки и посмотрел на Ангуса.

— Вы знакомы с содержанием письма?

Монро кивнул.

— Естественно. Если Вы поставите свою подпись, то сразу получите все необходимые документы.

Игнат помрачнел.

— Не уверен, готов ли я к отцовству. Но отказать Всеволоду Сергеевичу не могу.

Ангус потёр ладошки.

— Тогда по рукам. Итак, мадемуазель Анастасья, с данной минуты Вы являетесь мадемуазель Тулиновой, дочерью этого великолепного месье.

— Инной Тулиновой. — Уточнил Игнат.

Мои глаза округлились так, что чуть не выпали из орбит.

— Дочерью? Бред! Может, кто-нибудь объяснит, что происходит?

Игнат помрачнел.

— Ты помнишь, что случилось с моим отцом и с твоим братом? Так вот. Киллера мы так и не нашли. Решили, что его либо убрали, либо он являлся таким высококлассным профессионалом, что напасть на его след не сумели ни полицейские, ни служба безопасности твоего всемогущего родителя. Но совсем недавно его хозяин вновь проявил себя. Теперь он выставил условия. Этот мудак решил купить все наши акции, контрольный пакет. Думаю, ты понимаешь, что это значит.

Я кивнула.

— Да. Мы бы стали нищими.

Игнат усмехнулся.

— Нищими? Это мягко сказано. Мы бы стали мёртвыми. Твой отец долго думал, как поймать ублюдка. Он даже слышать не хотел о продаже. Твердил, мол, как только корпорация окажется в руках мерзавца, нам всем тоже крышка. Лично я продал бы бумаги и свалил куда подальше. Деньги, которые накопились на моём счету, давали возможность прожить безбедно лет двести в любом тропическом раю. Но у меня в России оставалась мать. И она категорически отказывалась покидать Родину. Словом, дядя Сева решил вычислить заказчика. А, чтобы ты не попала под удар...

— Меня репатриировали. Да? Отправили к тёте Эльзе.

— Но тут была одна оговорка. Если что-то пойдёт не так, я должен был вывезти тебя и спрятать на время. А если худшее случится...

— Если худшее случится, ты должен позаботиться обо мне.

Игнат кивнул.

— Пару недель назад у нас с дядей Севой состоялся телефонный разговор на эту тему. А вот и подтверждение. Читай.

Он протянул лист. Моё сердце застучало где-то в горле, когда я узнала аккуратный почерк отца.

«Игнат!»

Не знаю, чем закончится моё расследование. Вроде, всё предусмотрел. Высылаю копии отчётов моих ребят, так, на всякий случай. Даже не сомневаюсь, что Шерхан и есть тот самый киллер, которого мы искали. Я уже расставил ловушки. Теперь буду ждать, когда они сработают. Если всё получится, мы узнаем имя заказчика. Предполагаемая дата встречи с покупателем # 10 июня. Да, я отправляю к Эльзе Настасью. Пусть поживёт подальше от всего этого. Если со мной и с Тamarой что-то случится, возьми опеку над девочкой. Уверен, только ты сможешь защитить её. Не хотелось бы втягивать семью сестры во всё это дерьмо. Я дал распоряжения, что до исполнения Анастасии двадцати пяти лет, все акции нашей семьи перейдут в твоё полное распоряжение. Знаю, тебе можно доверять. Береги мать и мою дочь. Это тебе мой отцовский наказ.

*Надеюсь на скорую встречу.
Дядя Сева.»*

Я несколько раз перечитала письмо. Значит, папа чувствовал опасность. Что-то могло выйти из-под контроля. И это что-то вышло. Встреча с покупателем была назначена на десятое июня, но события приняли неожиданный поворот. Именно поэтому меня отправили в изгнание раньше срока на целых три дня в такой спешке. И именно в день моего отъезда погибли родители.

Шерхан. Вспомнив известную сказку Редьярда Киплинга, я содрогнулась. Тигр, жестокий циничный убийца. Ему удалось и в этот раз перехитрить отца и нанести смертельный удар. Я взглянула на папку, лежавшую перед Игнатом.

— Хочу прочитать отчёты.

Тулинов придвинул её к себе ближе.

— Даже не думай. Тебе это ни к чему.

Мой мозг взорвался.

— Ни к чему? Я хочу знать всё о человеке, нет, о чудовище, оставившем меня сиротой.

Подскочив к Игнату, я попыталась дотянуться до чёртовой папки, но тот переместил документы на другой край.

— Утомись! Тебе ничего не дадут эти знания. Только голову себе забьёшь.

— Я хочу прочитать отчёты немедленно!

— Упрямца! — Тулинов вскочил и выставил вперёд руку, лишая меня возможности подойти к столу.

Великолепный Монро схватил серебряный колокольчик и зазвонил.

— Всё. Брейк, господа. Деритесь сколько угодно, но только не в моём офисе.

Тяжело дыша, я отошла назад и уселась на свой стул.

— Итак. — Нотариус поправил галстук-бабочку. — Я обдумал наш ночной разговор, месье Тулинов. Действительно, будет лучше для всех, если мадемуазель сочтут погибшей. Во всяком случае, так Вы выведете её из-под удара.

— Но почему я непременно должна становиться его дочерью? — слув со лба чёлку, я с яростью посмотрела на предполагаемого папашу и наткнулась на непробиваемую стену. Только огонь, блестящий в янтарных глазах, говорил о том, что в душе Тулинова бурлили весьма противоречивые чувства. Мозг понимал, что тридцатипятилетнему мужчине и во сне не снилось стать отцом шестнадцатилетней девицы. Но долг перед моей семьёй обязывал.

— Мы не знаем, кто заказчик, Настя. Скорее всего, он осведомлён, что у месье нет ни сестры, ни кузины. А на внезапно появившуюся внебрачную дочь вряд ли кто обратит внимание. Всякое в жизни бывает. — Монро развёл руками. — И не забывайте, мадемуазель, что теперь Ваш друг стал единственной мишенью. Думаю, некто убрал всё семейство Максимовых и мадам Тулиновус той целью, чтобы напугать единственного фигуранта. Так с месье будет легче договориться.

Я не слышала объяснения. Что сказал нотариус про мадам Тулинову? Кого он имел в виду? Тётю Надю? Но как? Я вновь взглянула на Игната. Теперь мне всё стало понятно. Он прятал своё личное горе за каменной маской, боясь показать мне боль, разрывавшую сердце.

— Вы слышите меня, мадемуазель?

Я вздрогнула и кивнула.

— Игнат, прости. Я только узнала...

Тулинов скрипнул челюстями и отвернулся.

Ангус подошёл к шкафу и достал очередную папку.

— Распишитесь тут, молодой человек. С этой минуты Ваше состояние увеличивается вдвое. К тому же Вы стали отцом. Надеюсь, у Вас всё получится.

Игнат подписал бумаги и поднялся из-за стола.

— Благодарю за помощь. Нам пора.

Монро протянул пухлую руку, покрытую пигментными пятнами.

— Завтра мадемуазель получит новые документы. Я пришлю посыльного. Всего доброго.

Мы спускались в полной тишине. Уже в машине я взглянула на мужчину и тяжело вздохнула.

— Почему ты ничего не сказал про тётю Надю?

Игнат помрачнел.

— Они сделали вид, что согласны продать акции. Твои родители и моя мать поехали на встречу. Автомобили взорвались по дороге. Ума не приложу, как это случилось? Погибли все, Галина, Пётр. Остался только Егор.

Я закрыла рот ладонками, чтобы не закричать. Значит, Галя согласилась занять моё место, когда я в её наряде мчалась в аэропорт!

— Теперь я должен решить, что делать с тобой.

— А у тебя есть варианты?

Тулинов пожал плечами.

— Ты же слышала, что я остался единственным наследником. Одно из двух, либо меня убьют, либо со мной попытаются договориться.

— Попытаются. — Я пристегнулась, предчувствуя экстремальную езду. — Иначе как они получат акции?

Игнат усмехнулся.

— В случае моей смерти корпорацию пустят с молотка. Акции упадут, и их можно будет скупить за гроши.

— ЕМУ не нужны акции. ОН мстит.

Тулинов, нажавший на газ, резко затормозил.

— ЕМУ?

— Да, заказчику. ОН ищет выход ярости. ЕМУ мало пролитой крови, страданий, слёз. ОН дал нам возможность пережить, подуспокоиться, чтобы потом покончить со всеми разом.

Сердце опять застучало сильно и неровно, дыхание участилось.

— Отдай мне бумаги. Мне нужно знать, что раскопал отец.

Игнат нагнулся ко мне, и наши глаза встретились. Меня обжёг этот взгляд, а щёку полоснуло горячее дыхание.

— Не смей лезть во всё это.

Внутри мужчины полыхал настоящий огонь. Я съёжилась в кресле и отодвинулась к окну. Ничего, я всё равно получу информацию, чего бы мне это ни стоило.

Мы проехали большую часть пути, когда я решилась заговорить.

— Почему Инна?

Тулинов даже не повернулся в мою сторону.

— Когда-то у меня была девушка. Мы встречались недолго. После она вышла замуж и родила дочь Инну. Не от меня, от мужа. Жизнь моей возлюбленной не сложилась. Не буду вдаваться в детали. Шесть неудачных браков, клиники, где лечили наркоманов, нелепая смерть.

— Она была наркоманкой? А что стало с девочкой?

Игнат пожал плечами.

— Понятия не имею. Её следы затерялись. — Он на мгновение оторвался от дороги. — Знаю, легенда притянута за уши. Она не выдержит серьёзной проверки, но это лучшее, что я смог придумать за две минуты. Какое-то время наша версия поработает, а дальше решим, что делать.

Я не собиралась ждать. Я хотела действовать немедленно. Пусть в моём арсенале не было опыта и силы, я не умела стрелять, не владела приёмами рукопашного боя, но умом и интуицией я выгодно отличалась от своих сверстников. Доказывать что-то Тулинову не хотелось. Я чувствовала всю бесполезность попыток. Придётся притвориться хорошей девочкой и дожждаться того момента, когда бдительность моего нового папочки притупится.

— Ладно. Я не буду вмешиваться. Но что собираешься делать ты?

Игнат пожал плечами.

— У меня нет службы безопасности, как у твоего отца, нет осведомителей и телохранителей. Но у меня есть друзья. Нужно посоветоваться кое с кем.

— И для этого тебе придётся попасть в Россию?

Тулинов усмехнулся.

— А ты догадливая.

Наконец-то понял.

— Возьми меня с собой, пожалуйста.

Я очень боялась возвращаться в отчий дом, опустевший после смерти родителей, в дом, где прошла вся моя жизнь, где я была счастлива, где всё ещё витал запах Галиных пирогов, а в вазах стояли живые цветы, которые так любила мама. Я боялась идти на похороны, но в то же самое время была уверена, что должна перешагнуть через свои страхи.

Игнат вновь затормози и стукнул кулаком по рулю.

— Нет. И это не обсуждается.

— Не обсуждается? — я снова начала закипать. — Даже отец обсуждал со мной важные вопросы, а не приказывал. Ты не имеешь права...

Тулинов больно схватил меня за плечо.

— Запомни раз и навсегда. Я не твой отец. Сейчас волей обстоятельств нас втянули в игру, где на кон поставлены наши жизни. Если я сумею всё разрулить, мы выживем, если нет — погибнем оба. Поверь, я не в восторге от того, что обзавёлся дочерью. Да ещё такой настырной. Но ты должна меня слушаться. Для твоего же блага. Понимаешь?

Резко дёрнув плечами, я отвернулась к окну. Я понимала, всё понимала. Сейчас Игнату было очень тяжело. Он потерял мать, его жизнь висела на волоске, а теперь ему на голову свалилась шестнадцатилетняя девица со своими заморочками. Но внутри всё клокотало. Я успокоилась только тогда, когда машина въехала в просторный двор.

Тулинов заглушил мотор и молча вышел, давая мне возможность делать то, что я сочту нужным. Когда мой папочка исчез в особняке, я покинула автомобиль и пошла по дорожке вглубь парка. Ухоженный и аккуратный, этот уголок словно сошёл с картинок о жизни состоятельных людей, ценивших комфорт и роскошь. Была ли я состоятельной? Пожалуй, нет. Всё моё наследство, согласно воле отца, перешло к Тулинову. И только от него зависело, как я буду жить дальше.

Отыскав под огромным дубом скамью, я присела и подставила лицо тёплым солнечным лучам. Вот вам и каникулы. Вместо моря и яхты мне предстояло прозябать в этом холодном

доме, оплакивая родителей и свою искалеченную судьбу. А взамен прекрасного юноши я получила угрюмого адвоката, для которого стала тяжелой обузой.

— Доброго дня, мадемуазель!

Я вскинула голову и увидела перед собой высокого худого старика в соломенной шляпе. Он широко улыбался, демонстрируя безупречные для своего возраста зубы.

— Я Пьер, садовник. Слежу за порядком в этом парке. А Вы гостя месье?

Да что же это за страна такая? Тут все за всеми следили.

— Меня зовут Инна. Я дочь месье Тулинова.

Старик присел рядом и достал из кармана фартука пачку сигарет.

— Вы не против? Вредная юношеская привычка, от которой я так и не смог избавиться.

— Курите, если Вам так хочется.

Пьер с наслаждением затянулся и выпустил в небо струйку сизого дыма.

— Не знал, что у месье есть дочь. Он ещё так молод, а Вы такая... гм... взрослая.

— Сама в шоке. Но факт остаётся фактом. Игнат мой отец, а я его дочь.

Краем глаза я заметила, как дверь распахнулась, и на ступенях появилась Жаклин. Она махнула рукой.

— Мадемуазель! Идите сюда! Время обедать.

Улыбнувшись старику, я поспешила к домоправительнице.

— Ещё поболтаем, юная нимфа, — крикнул он вслед, галантно приподняв шляпу.

Жаклин приобняла меня за плечи и выпустила в дом.

— Не доверяй старому болтуну. Пьер подстригает дорожки во всех особняках на этой улице. Сплетни нам ни к чему.

Мы поднялись на второй этаж и остановились у дверей комнаты, которую мне отвели. Жаклин сняла маску чопорной домохозяйки и тепло улыбнулась.

— Переодевайся, дорогая, и спускайся в столовую. Если честно, я ничего не поняла, но месье обещал всё объяснить.

Натянув шорты и майку, я уныло поплелась вниз. Игнат уже сидел за огромным столом и читал газету. Воистину непробиваемый человек! Лишь по складке на лбу и подёргивающейся щеке можно было догадаться, что мужчина сжат в пружину.

— Умеешь читать по-французски?

Я кивнула. Крохотная статья на второй странице сухо информировала, что два дня назад погибла семья крупного русского бизнесмена. Несколько строк и пара комментариев корреспондента о беспределе в России заставили моё сердце вновь кровоточить. Там, среди имён, было и моё. Теперь до меня дошло, что Анастасия Максимова погибла. Её больше нет и никогда не будет. Она исчезла безвозвратно, и её тело похоронят уже завтра.

Жаклин тихонько подошла к столу и поставила в центр фарфоровую супницу.

— Приятного аппетита, месье, приятного аппетита, мадемуазель.

Она собиралась выйти, когда Игнат остановил её.

— Жаклин! Я должен кое-что объяснить.

— Я вся во внимании.

Тулинов тяжело вздохнул и потёр виски.

— Эта девушка — дочь моих близких друзей. Её родители погибли совсем недавно. Теперь и её ждёт та же участь. Я должен защитить её. Монро подкинул одну идею. Отныне Анастасия будет под моей опекой, а, чтобы не возникло лишних вопросов, скажем, что она моя внебрачная дочь. С сегодняшнего дня называй её Инной, даже тогда, когда рядом никого нет.

Женщина всплеснула руками и опустила на стул.

— Бедняжка! Я сохраню твою тайну, девочка, и помогу, чем смогу. Хитрый лис Монро прав. Лучше всего, если с Вами, месье, будет жить Ваша дочь, а не просто девушка. Но... как удивятся Ваши знакомые! А уж как удивится мадемуазель Елена!

По интонации я поняла, что Жаклин недолюбливала Барби. Да и мне красotka сразу не понравилась.

— Кстати, о Елене. — Игнат кашлянул. — Елена согласилась переехать сюда на некоторое время, пока меня не будет.

Лицо Жаклин вытянулось. Думаю, моё тоже.

— Но почему?

Тулинов потянулся к супнице.

— Она обещала присмотреть за тобой.

Тарелка с ароматным грибным пюре переместилась ко мне. Я отодвинула её назад.

— Обойдусь без няnek. В ноябре мне стукнет семнадцать, между прочим.

Игнат усмехнулся.

— Вот именно. Поэтому кто-то должен присмотреть за тобой, чтобы глупостей не наделала.

Я с надеждой взглянула на домоправительницу.

— Тогда пусть моей нянькой станет Жаклин. Мы поладим. Обещаю.

Улыбка Тулинова стала шире. Он прищурил глаза и кивнул.

— Даже не сомневаюсь. Но тут есть маленький нюанс. Мадемуазель Бражкина обладает длинным языком. И непременно разнесёт слух о моём отцовстве в местном сообществе. А это нам на руку.

Я прыснула.

— Бражкина? Ужас какой! Такая пава должна носить фамилию Царствующая или Властвующая. А тут Бражкина!

— В Париже Елена известна под псевдонимом Лакруа.

Я подкатила глаза.

— Это даже хуже, чем Бражкина. Впрочем... — отодвинув стул, я поднялась с твёрдым намерением уйти. Возможно, мой протест в виде голодовки подействует на хозяина.

— Сядь. — Игнат даже голос не повысил, но по яростному блеску в глазах я поняла, что вывела его из себя.

Я скрипнула челюстями.

— Даже не подумаю. Крошки в рот не возьму. Если эта грубиянка появится тут, я умру от голода. Вот увидишь.

Глава 3

— О, Жаклин, дорогая! Рыба сегодня просто восхитительна. Положи-ка мне ещё кусочек. Домоправительница скривила губы и плюхнула в тарелку гостии очередной кусок запечённого палтуса.

— А тебе что положить? — Жаклин тепло улыбнулась.

Я отодвинулась от стола и погладила рукой свой раздувшийся живот. Кажется, объелась. Да, кушать больше не хотелось. Хотелось спать. Из-под полуприкрытых век я наблюдала, как худющая модель сметала всё, до чего могла дотянуться. Интересно, сколько лет её не кормили? А, может, в Леночке завелись глисты?

Гордость гордостью, война войной, а обед по расписанию. Не помню, кому принадлежала сия гениальная мысль, но этот кто-то был прав на все сто. Воевать на сытый желудок казалось гораздо приятнее. А в том, что из нас двоих к моменту возвращения Игната в этом доме останется только один, точнее одна, я не сомневалась. Поэтому, промаявшись в своей комнате до ужина, твёрдо решила не умирать от голода. Из любой ситуации, как известно, во все времена существовало два выхода, даже если вас съели. И, коль решить вопрос по-хорошему не получилось, можно попробовать подойти к проблеме с другой стороны.

Елена довольно улыбнулась и промокнула салфеткой пухлые губки.

— Да, Нэт. Удивил ты нас. Когда я рассказала девчонкам о твоей дочери, те чуть в обморок не свалились.

Нэт? Фу, какая пошлость. Я уже открыла рот, чтобы съязвить по данному поводу, но решила придержать язык. Накоплю побольше яда, чтобы эта жаба сдохла без возможности быть реанимированной. Я чувствовала, что моя неприязнь к Барби росла с каждой минутой. Всё в ней раздражало, всё бесило, и внешность, и бесстыжий наряд, выставлявший на всеобщее обозрение сиськи в виде двух футбольных мячей, и манера говорить, растягивая слова, и, делая длинные паузы.

— До недавнего времени я сам находился в неведении, пока Российский отдел опеки не отыскал меня.

Мадемуазель Бражкина пожала плечами.

— И что? Зачем ты привёз сюда ошибку юности?

Кровь в моих венах вновь начала закипать. Сон, как рукой, сняло. Ну почему эта тварь опять говорила обо мне в третьем лице?

— Елена! Инна моя дочь. Я хочу воспитывать её. Что ждало сироту в России? Детский дом?

— Там есть весьма неплохие. Впрочем, милый, ты можешь отправить её в хороший пансион и тут. А я, в свою очередь, обещаю посодействовать.

Ага! А у мадам Бражкиной и связи имеются!

— Инна не поедет в пансион. Я улажу все бумажные вопросы и отдам её в обычную школу в Руане. А лето она проведёт с репетиторами. Девочке нужно подтянуть свой французский.

Барби вздрогнула.

— Надеюсь, ты не собираешься провести всё лето в этой глуши? Мы же собирались на острова.

Игнат начал выходить из себя.

— Думаю, мы поговорим об этом позже. А сейчас пора спать. Мне завтра рано вставать. Самолёт ждать не будет.

Мой новый папочка поднялся из-за стола и подмигнул.

— Спокойной ночи, дочка.

Как странно было слышать это слово из уст малознакомого человека, которого я не могла ассоциировать с отцом даже в свете сложившихся обстоятельств.

Елена вскочила на ноги и кинулась следом.

— Пстой. Не нужно откладывать разговор. Мы должны выяснить всё, немедленно.

Дверь в столовую хлопнула, а я всё ещё слышала её скрипучий голос.

— И что он только нашёл в этой бабе? — Боже! Кажется, я произнесла это вслух.

— Что ты сказала? — Жаклин принялась за уборку. — Не понимаю по-русски.

Тяжело вздохнув, я выплыла из-за стола.

— Так, ничего. Остаётся надеяться, что папочка задержится в России недолго. Иначе, по прибытию, он обнаружит гору трупов.

Глава 4

Луна так ярко светила в окно, что я не могла заснуть. Пришлось подняться и поправить штору. Комната погрузилась во мрак, но сон не спешил забирать меня в свой сладкий плен. Я долго ворочалась, и, наконец, решила спуститься в столовую. Обычно стакан тёплого молока помогал мне отправиться в мир радужных грёз.

Выглянув в коридор, я улыбнулась. На стенах горели ночники. Теперь мне не нужно красться в кромешной темноте, словно испуганному воришке. Я сделала несколько шагов и услышала разговор за соседней дверью. Пришлось остановиться. Обойти комнату, где обосновалась Елена, не представлялось возможным. Вернуться к себе или идти дальше? Если меня засекут у приоткрытой двери, обязательно решат, что я подслушиваю. А мне это и не надо вовсе. Мне вот всё равно, о чём эксцентричная особа беседует с мужчиной моей мечты. Мне наплевать, чем они там занимаются.

Я очнулась у входа в золотые апартаменты, прильнула к узкой щели и прикрыла рот ладонью. Вот это роскошь! Мягкий свет пробивался сквозь стены, покрытые желтовато-розовым искусственным камнем. У нас дома именно таким был выложен камин. А тут целая пещера Али-Бабы. Занавески из воздушной органзы и огромные вазы, расставленные в углах, навели на мысли о загадочном Востоке. Возможно, именно в такой комнате Шахерезада рассказывала сказки жестокому Султану тысячу и одну ночь. А вот и Султан.

Игнат лежал на огромной кровати, закинув руки за голову. Он был совершенно голым. В неярком свете загорелая кожа казалась бронзовой. Нет, я догадывалась, что под той самой кожей находится довольно мощный мышечный каркас, но та-акой и представить не могла. Идеальное тело! Сразу захотелось записаться в спортзал, накачать кубики на животе и укрепить попку. Я уже представила себя на этой кровати рядом с красавцем-атлетом, как... Да. Всё испортила Елена. Усевшись на шёлковую простыню, она капризно сморщила носик и пропела:

— Нэт! Я всё поняла. Ты стал импотентом. Если такая женщина, как я, не возбуждает твой организм, выход один — отдаться докторам.

Игнат перевернулся на бок и укрылся покрывалом.

— Ты уговорила меня просто переночевать с тобой. И я пошёл на это, памятуя о твоей боязни темноты. Но о сексе уговора не было.

Барби подседа ближе и запустила тонкую ручку под золотистую ткань.

— О, нет! Раньше твой малыш вставал, стоило тебе увидеть меня. А теперь... теперь он не подаёт признаков жизни даже при прикосновении.

Тулинов дёрнулся.

— Отстань. Оставь мой член в покое. Считай, он спит. Я тоже спать хочу.

Если бы мне сказали отстать, я не только бы отстала, я бы больше не взглянула в сторону такого парня. Но Елена не сдавалась.

— Давай попробую ртом.

Меня передёрнуло. Подавив рвотный рефлекс, я ждала развития событий.

— Ты забыла русский язык? Мне вставать через пять часов. Спи, или я пойду к себе.

Барби оживилась.

— Пойдём к тебе. Ты прикуёшь меня к своей кровати и...

— Тише. — Игнат оборвал пошлячку. — За стенкой ребёнок спит.

Ребёнок? Я давно перестала быть ребёнком. Гибель родителей поставила огромный крест и на моём беззаботном детстве, и на безоблачной, полной надежд юности.

— Ребёнок? — взвизгнула Елена. — Да этот ребёнок всё знает и всё умеет лучше меня. Думаю, она давно перестала быть такой невинной, какой ты стараешься её выставить.

— Заткнись!

— А!— красотку понесло. — Я поняла. Возможно, тебе хочется юного тела? Тогда договорись со своей дочуркой. Она подгонит малолетних подруг, таких же потаскушек, как она.

Тулинов взревел, вскочил с кровати и кинулся вон из пещеры Али-Бабы. Я успела вжаться в стену. Хвала богам! Чудом не слетевшая с петель дверь укрыла меня от гнева хозяина дома. Когда громкие шаги стихли наверху, я попятилась и проскользнула в своё убежище. Повалившись на кровать, приказала себе никогда не вспоминать то, что видела пару минут назад.

Глава 5

Мне снилось, что я нахожусь дома, в своей комнате. Где-то хлопнула дверь. Наверное, отец уже ушёл. Запах Галюсиных пирогов приятно щекотал ноздри. Настало время просыпаться, но я бессознательно пыталась оттянуть пробуждение, надеясь, что вот-вот войдёт мама и проведёт тёплой нежной ладонью по моим волосам.

Тихие шаги. Тёплая ладонь. Нет, не мамина. Она шире и не такая нежная, с мозолями и шероховатостями. Осознав, что уже проснулась, я всё ещё лежала в той же позе, крепко сжав веки. Рука переместилась с волос на мою щёку, а затем кожу обожгло горячее дыхание, и я почувствовала на губах вкус поцелуя.

Что это было? Дверь бесшумно закрылась. Я села в кровати и приложила палец к губам. Явь, похожая на сон? Сон, похожий на явь? Запах дорогого одеколona ещё витал в моей комнате, подтверждая, что всего мгновение назад тут находился мужчина.

Я подошла к окну и отодвинула штору. Огромный крокодил покидал особняк, вырывая на узкую улицу. Значит, Игнат вот так попрощался со мной.

Тяжело вздохнув, я натянула шорты и спустилась в столовую.

О нет! Утро, которое началось с новых надежд и ощущений, не могло подложить тощую размалёванную свинью в виде проклятой Елены. Я тихонько заскулила, но прошла вперёд. Мадам Бражкина сидела за столом, вся в тюли и перьях, и потягивала молочный коктейль. Чего это ей не спится? Тайные мечты, что мы не столкнёмся в стенах огромного дома, рухнули в одночасье. Я напряглась и постаралась вспомнить, что являюсь воспитанной девушкой из приличной семьи.

— Доброе утро.

Барби скривилась.

— Кому как.

Я села на стул Игната, подчёркивая, что имею на этот дом, как и на его хозяина, определённые права, и улыбнулась Жаклин.

— Чай, мадемуазель?

— Если можно.

Через мгновение передо мной появилась чашка цейлонского напитка, молочник со сливками и целое блюдо ароматных круассанов.

— Если вам, девушки, ничего не нужно, я отлучусь ненадолго. Скоро привезут овощи.

Да. Нам тоже возили на дом парное молоко, румяные помидоры, хрустящие огурчики и молодую зелень из соседней деревеньки.

— Ты мне не нравишься. — Когда дверь за домоправительницей закрылась, Елена отодвинула высокий стакан и уставилась на меня рыбьими глазами. Почему-то сейчас они казались абсолютно бесцветными. Линзы! Да она же просто носила яркие голубые линзы! А сегодня забыла их надеть.

— Кажется, Вы глазки в спальне оставили.

Барби захлопала длинными ресницами и покраснела.

— Не твоё дело.

В десяточку! Мне не было никакого дела до того, как выглядело проселиконенное существо. Если бы кто-то вернул женщине первозданный вид, она бы замыкала строй невзрачных, обычных и заурядных. Но то, как потрудились над ней работники модной индустрии, заслуживало аплодисментов.

— Мне безразлично, как Вы ко мне относитесь, тётя.

— Тётя? — Барби перешла на визг. — Какая я тебе тётя? Мне только двадцать три.

Я усмехнулась.

— Двадцать три? А выглядите на тридцать два.

Елену затрясло. Вскочив из-за стола, чудо в перьях опрокинуло недопитый стакан и помчалось наверх.

— Поссорились? — Жаклин вошла в столовую, отряхивая фартук.

Я пожалала плечами.

— Вот ещё. Нервная система у старушки ни к чёрту.

Домоправительница присела у окна и тяжело вздохнула.

— Будь с ней осторожнее. Елена барышня мстительная. Змея, не иначе. Вот только не знаешь, когда укусит.

Налив стакан воды, я осушила его залпом.

— Ничего, прорвёмся.

Слоняться из угла в угол мне порядком надоело. Ныть и стенать я больше не хотела. Чётко понимая, что это не воскресит моих родителей и не вернёт прежнюю жизнь, решила действовать. Полагаться оставалось только на себя. Я и представить не могла, что творилось в голове Игната, но он произвёл впечатление парня роскошного, преуспевающего, но нерешительного и изнеженного. Чего он хотел? Сбежать на острова и жить там счастливо лет двести? О! Это так по-мужски! К чему искать убийцу, тратить силы, нервы и деньги, если можно попросту спастись позорным бегством? Я бы даже не удивилась, если б после похорон он так и сделал. Что он сказал? В России у него есть друзья? Ах, я даже представляла тех самых друзей, таких же лощёных адвокатов, докторов или экономистов.

Немного поразмыслив, вышла в коридор. Жаклин суежилась внизу, передвигая кресла, а Барби, как сквозь землю провалилась. В тайне я надеялась, что она пошла топиться в ванну или приняла порцию крысиного яда. Впрочем, через пару минут я забыла о скверной особе. На цыпочках, чётко следя за тем, чтобы ни одна половица не скрипнула, я поднялась в мансарду и остановилась у запертой двери. И что дальше? О чём я думала, придя сюда? Порывшись в карманах, нашла шпильку. Да, когда мои косы закрывали задницу, такие предметы валялись везде. Как же это делается?

Присев на колени, я изогнула железяку и принялась ковыряться в замке, как заправский взломщик. Когда-то дядя Петя вот так открыл дверь моей комнаты. Я внимательно наблюдала, а потом долго тренировалась. Есть! Заветный щелчок, и я внутри.

Постояв с минуту, привыкла к полумраку и осмотрелась. Нет, на тайную комнату герцога Синяя Борода, сия обитель не тянула. Пожалуй, это был единственный осовремененный островок во всём доме. Декоративная штукатурка имитировала небрежную кирпичную кладку. Узкая кровать с железным изголовьем, зеркальный шкаф, пара тренажёров у окна. Где же сейф? Моя уверенность, что ценные документы хранятся в огромном металлическом чудовище, вмонтированном в стену, угасла, когда я увидела заветную папку на прикроватной тумбочке. Да, прятальщик из Игната не вышел. Присев на кровать, я вытащила все листы и задумалась. Изучить содержимое в спешке вряд ли удастся. Нужно незаметно перенести документы к себе и там, в спокойной обстановке...

На лестнице послышались шаги. Жаклин? Схватив папку, я заметалась по комнате. Нырнув под кровать, притаилась. Что-то было не так. И тут до меня дошло. Если бы по ту сторону двери стояла домоправительница, она давно бы попала внутрь. Ключ от апартаментов Игната уж точно болтался на общей связке рядом с прочими. Да и уборкой Жаклин занималась лишь в присутствии хозяина. Тогда кто? Воры?

Станный шорох. Кто-то ковырялся в замке, как я, пять минут назад. Вжавшись в холодный пол, замерла. Дверь скрипнула. Две тонких ножки заметалась перед моими глазами. Я прикусила губу. Елена! Что этой стерве понадобилось в спальне Тулинова? Вжавшись в стену,

я продолжала наблюдать. Кого же Барби напоминала мне? Табаки! Гадкий подлый шокалёнок уселся на стул.

— Милый! Я на месте.

Абонент на том конце провода что-то сказал, но, к сожалению, я не обладала настолько острым слухом, чтобы услышать, что.

— Нет, тут ничего нет, ни одной бумажки. Сейф? Да нет у Тулинова никакого сейфа кроме того, огромного для оружия.

Оба-на! Теперь я решительно ничего не понимала. Значит, Игнат приходился Барби «Тулиновым», а на том конце находился «милый»? Во даёт! Что ж, это стоило запомнить.

— Да где мне искать? В туалете, в ванной? Может, он оставил их на работе.

Я отошла от первого шока и, наконец, осознала, что чучело по имени Елена шпионит на неизвестного злоумышленника. Какие бумаги она искала? Уж не те ли, что я крепко прижимала к груди?

— Ты, действительно, хочешь знать, как у меня дела? Плохо. Отвратительно. Боюсь опять впасть в депрессию. Проблема? Ах, я же не успела рассказать. Чёртов миллионер обзавёлся внебрачным ребёнком. Что? Сколько лет? Понятия не имею, может, шестнадцать, может, семнадцать. Пренеприятнейшая особа.

Это обо мне? Я пожала плечами. Взаимно. Именно так я думала о Барби.

— Откуда взялась? — красотка рассмеялась. — Из того же места, откуда и все мы. Ах, ты о том, как она появилась в доме? Да чёрт её знает. Вроде, какой-то фонд разыскал Тулинова. Я не придавала этому значения. А что, надо было?

Я пыталась понять, что замышляют эти двое, но мысль постоянно ускользала.

— Нет, девка совершенно не похожа на папашу. Может, в мамку пошла?

Елена долго выслушивала незримого абонента и, наконец, хихикнула.

— А ты прав. Ушлая девица. Скорее всего, мошенница.

Я? Мошенница? Хотя, если разобраться...

— Да, ты прав, милый, ДНК-тест. Я выведу гадину на чистую воду, а, если не получится, решим проблему радикально.

Вся кровь отлила от лица. Что имела в виду Елена? Меня хотят убить? Тут в этом доме? В том самом месте, где Игнат решил меня спрятать?

— Всё. Бегу. Целую, любовь моя. Всё сделаю в лучшем виде.

Ножки Табаки засеменили к выходу и через минуту застучали по лестнице.

Итак. Я осталась одна, с папкой, под кроватью, в растрёпанных чувствах.

Выждав некоторое время, выползла на белый свет и направилась к двери. Чёрт! Опять придётся воспользоваться шпилькой. Ну почему дверь просто не защёлкивалась и не имела собачки? Вставив изогнутую железку в крохотное отверстие, я побледнела. Что-то мешало провернуть механизм. Елена! Эта сволочь умудрилась испортить личинку. И что теперь делать? Я заметалась по комнате в поисках запасного или пожарного выхода. Ничего такого. Только окно. Я посмотрела вниз. Третий этаж. Рядом раскачивалась толстая ветка векового дуба, на вид прочная. Что ж, выбора у меня не осталось. Спрятав документы под майку, залезла на подоконник, оттолкнулась и повисла, как жёлудь, сдирая кожу на ладонях грубой корой.

На этом необдуманном поступке моя мыслительная деятельность иссякла. Ствол находился слишком далеко, совершенно ровный и идеально гладкий. Ниже злополучной ветви не наблюдалось ни единого сучка, за который я смогла бы зацепиться. О том, чтобы влезть назад, и речи не шло. А спрыгнуть вниз... Метров восемь, не меньше. В мои жизненные планы пока не входило ломать кости.

— Мадемуазель Инна?

— Пьер! — я так обрадовалась, увидев прямо под собой старого садовника.

— Что Вы там делаете?

Странный вопрос.

— Вишу.

— Но как Вы там оказались?

Мои руки начали слабеть.

— Помогите, пожалуйста.

С неожиданной для почтенного возраста лёгкостью садовник метнулся за угол и уже через мгновение вернулся с длинной стремянкой.

— Аккуратно, мадемуазель. Смелее. Я придержу.

Как только мои ноги почувствовали опору, я вновь обрела уверенность. Но с ней вернулся и страх. Вот сейчас начнутся вопросы. Как я объясню свои приключения? Но Пьер молчал.

— Огромное Вам спасибо.

— И что? Нашли что-то интересное?

Я покраснела, чувствуя, как кожаная папка впивается под рёбра.

— Если потребуется моя помощь, я к Вашим услугам.

Старик приподнял сначала шляпу, потом лестницу и исчез в глубине парка.

Я кашлянула. Ничего, как говорил отец, стыд не дым, глаза не выест. Поправив майку, направилась к центральному входу. Так не хотелось наткнуться на Жаклин или на чёртову Барби. Но, к моему счастью, старинный особняк оказался необитаемым, тихим и холодным, как склеп.

Щёлкнув замком, я повалилась на кровать и принялась листать документы. Признаться, я поняла не всё, точнее, ничего не поняла. Несколько страниц отображали какие-то финансовые операции, перевод денег со счёта на счёт. Потом шли сухие отчёты и, наконец, появилась более удобоваримая информация. Я отодвинула папку и закрыла глаза. Итак. Что удалось выяснить? Да ровным счётом ничего. Где-то жил хорошо подготовленный киллер по прозвищу Шерхан. Одиночка. В глаза его никто никогда не видел. Деньги переводились на разные подставные фирмы, откуда уходили в офшор. Прокололся убийца единожды. Чудом выживший охранник одного из принцев Аравии дал показания. Он заметил отсутствие мизинца на правой руке убийцы. Что мне давали эти сведения? В мире существовало несколько тысяч мужчин, потерявших пальцы по той или иной причине. Так за что зацепиться?

Здравый смысл рекомендовал затаиться и ждать, но кровоточащее сердце требовало отмщения. Я перечитала письмо отца. Папа решил выманить Шерхана, но хищник оказался хитрее. Невидимый враг желал уничтожить наши семьи, а заодно прибрать к рукам всё имущество. Что дальше? Шерхан устроит охоту на Игната, или, узнав, что я не погибла, убьёт меня?

Я понимала, рано или поздно, придуманная Тулиновым легенда о внебрачной дочери лопнет, как мыльный пузырь. И это станет началом моего конца. В памяти всплыл телефонный разговор Елены. Что она хотела сделать? Заказать экспертизу ДНК? Что ж, возможностей было предостаточно. Эх, зря Игнатушка поселил у себя эту стерву. Теперь вместо того, чтобы раструбить о внебрачной дочери, Барби пустит слух о мошеннице. И не известно, как, на это отреагируют местные власти.

Тяжело вздохнув, я решила спуститься на кухню. Пора бы и подкрепиться. Мозг требовал глюкозу.

— Да, Мадлен, это какой-то кошмар. Маленькая мерзавка ведёт себя, как хозяйка дома. И, представь, этот тупой ублюдок отказывается отправлять её в пансион. Хочет оставить при себе. Нет, я не допущу такого кошмара.

Я шла к лестнице мимо золотых апартаментов и улыбалась. Видимо, Елена беседовала с очередной подружкой. Пока появятся результаты экспертизы, весь Париж узнает о бурной юности моего папочки. И обо мне, незапланированном сюрпризе.

Кухня оказалась пустой, зато на другой лестнице слышался тихий разговор. Я поднялась на несколько ступеней и замерла. Возле комнаты хозяина стояла Жаклин и пожимала плечами, а незнакомый здоровяк в костюме охранника пытался отомкнуть дверь.

— Что случилось?

Женщина обернулась в мою сторону.

— Вот, замок заело. Сколько раз предупреждала хозяина, что нужно сменить его! Он же ровесник этого дома.

Я проглотила комок в горле.

— Раулю поручили забрать документы, а мы никак не можем попасть внутрь.

На моём лбу появились капельки пота. Сейчас здоровенный детина снесёт нафиг дверь, а папку не найдёт. Она лежит себе спокойно на моей кровати, на всеобщем обозрении. Что делать?

— Дамы! Не стоит нервничать! Ваш покорный слуга уже спешит на помощь!

Я вздрогнула. Входная дверь распахнулась, и на пороге появился садовник. В руках мужчины держал небольшой деревянный ящик с инструментами. Лукаво подмигнув, Пьер поднялся на третий этаж и обследовал механизм.

— Нужно менять сердцевину.

— Так меняй уже! — Жаклин разволновалась не на шутку.

Насвистывая «Марсельезу», старик в считанные минуты открыл замок и принялся безжалостно потрошить его.

— Подвинься. Видишь, месье торопится. — Втолкнув в комнату здоровяка, домоправительница шагнула следом. — Берите, что нужно, и уезжайте. Хозяин не любит, когда на его половине бродят посторонние.

Я поднялась повыше и заглянула в образовавшийся проём. Наш гость приблизился к книжному шкафу и вытащил с верхней полки очередную папку.

— Благодарю, Жаклин. В связи с отъездом, месье Тулинов передаёт это дело своему компаньону. Думаю, клиент останется довольным.

Ха! Да тут у папочки в известном лишь ему беспорядке валялось множество ценных документов, в том числе и дела его подзащитных! Вот же растыка! Отдать должное моему настоящему отцу, всё важное находилось в его металлическом сейфе, под электронным замком.

— Я провожу Вас, Рауль.

Проходя мимо Пьера, домоправительница грозно погрозила пальцем.

— А ты поторапливайся, прохвост.

Старик и ухом не повёл. Когда шаги стихли, он подозвал меня и протянул ключ.

— Возьмите, мадемуазель Инна! Негоже молоденькой девушке штурмовать вековой дуб.

— Но... — Кажется, я опять покраснела.

— Всего доброго, мадемуазель. А эту связку я передам самой строптивой женщине в мире.

Я улыбнулась. Кажется, между Жаклин и Пьером существовали понятные только им отношения, но мне не стоило совать туда нос.

— Ты себе представить не можешь, Полли, как раздражает меня эта девка. Серж прав. Возможно, она самозванка. Нужно всё перепроверить.

Неугомонная Елена продолжала трезвонить подругам, не обращая внимания на то, что кто-то может услышать её болтовню.

Я вошла в комнату и задумалась. Итак, мистического абонента Барби, ради которого она испортила замок, звали Серж. Скорее всего, он не являлся загадочным Шерханом, мечтавшим

слопать меня на ужин. Но судить об этом было рановато. Иногда под личиной добропорядочных граждан скрывались бандиты всех мастей. Надо бы Игнату позвонить. Но как?

Спустившись на кухню в очередной раз, я обнаружила Жаклин в весьма растрёпанных чувствах. Поварёшки падали из рук, издавая жалобное позвякивание, овощи летели из-под ножа в разные стороны.

— Что случилось?

Женщина обернулась. В её глазах стояли слёзы.

— Он вернулся и теперь не даёт мне покоя. Понимаешь, вернулся через двадцать лет, когда я совершенно успокоилась и научилась жить без него.

— Кто? — мои глаза округлились.

— Этот мерзавец, Пьер, мой бывший муженёк.

Во дела!

— Так Пьер Ваш муж?

— Бывший!

Жаклин поставила передо мной тарелку с кашей и уселась напротив.

— Двадцать лет его черти где-то носили. Пропал, как в воду канул. А теперь явился. Садовником устроился.

— Разве так бывает? Ну, чтобы человек пропал на двадцать лет?

Домоправительница шмыгнула носом.

— С этим проходимцем бывает. Ненавижу.

— Но он же как-то это объяснил?

— Ага. Мол, в аварию попал, а потом впал в кому, после память потерял, а как всё вспомнил...

— Вот видите, — я радостно улыбнулась. Он же вспомнил Вас! По-моему, Пьер очень хороший человек.

— Прохвост он, а не человек. Ладно, ты кушай.

Проглотив две ложки, я отодвинула тарелку.

— Мне нужно связаться с Игнатом.

Женщина вытерла фартуком влажные глаза.

— Что-то случилось, девочка?

Я пожала плечами.

— Пока нет. Но Елена решила сделать генетическую экспертизу. Ей достаточно стянуть вот эту ложку или мою зубную щётку, и обман раскроется.

Жаклин захохала.

— Вот же змея! Думаю, это Серж её надоумил. Своих мозгов у красавицы маловато...

— Серж? Кто это?

Домоправительница скривила губы.

— Её агент. Думаю, они любовники, но доказательств у меня нет.

— А... а я думала, что Игнат крутит романтические отношения с прекраснейшей из смертных.

Жаклин рассмеялась.

— Да, между ними были... гм... определённые отношения, без обязательств, так сказать. Но настырная блондинка мечтает заполучить хозяина в законные мужья.

Я вздохнула. Кто бы не захотел окольцевать такого красавчика? Наверное, большую часть жизни Игнат провёл в спортзале, моделируя великолепную мускулатуру. Эх, была бы я тонкой длинноногой и безмозглой...

Жаклин решила сменить тему.

— Ты бы пошла, прогулялась по парку. Погода великолепная, а ты такая бледненькая!

Что ж, мне это показалось хорошей идеей. Я поднялась в свою комнату за лёгкой кофтой.

— Ты даже не представляешь, Ингрид, что за пиранья живёт со мной под одной крышей... Через пару минут я вновь проходила мимо апартаментов гадюки.

— Даже не говори, Лили. Я так страдаю от этого ребёнка!

А подруг у Елены развелось предостаточно. И, видимо, все из одного серпентария. Меня уже не обижало и не раздражало подобное отношение. Стоило пожалеть бедняжку, ведь размер сисек, увы, не компенсировал скудоумие.

— Эй, привет! — я вздрогнула от неожиданности. Парк, принадлежавший Тулинову, казался необитаемым. Пригревшись на солнышке, я расслабилась, как вдруг... Взъерошенная рыжая голова высунулась из молодой листвы векового дуба и тут же исчезла. Ещё лишь миг, и передо мной появился обладатель чудесных волос цвета пламени. Я даже зажмурилась, чтобы не ослепнуть. Казалось, стоит прикоснуться к таким кудряшкам, и яркий огонь сожжёт тебя дотла. — Ты дочь хозяина? — странный акцент. А паренёк неместный.

— Допустим. А вот ты кто? И что делаешь в нашем парке? Вообще-то это частная собственность.

Юноша рассмеялся. Этот звонкий смех разрезал гнетущую тишину.

— Меня зовут Тед. — Обладатель чудесной шевелюры сделал вид, что снимает невидимую шляпу и театрально поклонился. — Теодор Брендон Аквалла Дуплис младший. И я весь к Вашим услугам, мадемуазель.

Пришлось подняться и присесть в реверансе.

— Инна Тулинова. Единственная и неповторимая. Так что ты тут всё-таки делаешь?

Тед бесцеремонно повалился на скамейку, вытащил из кармана зелёное яблоко, деловито вытер его об изрядно потёртые джинсы и протянул мне.

— Тренируюсь, мадемуазель. Видите этот дуб? Он подходит для моих занятий идеально.

— А... я поняла, месье, вы экстримал. Нашли себе дерево без единого сучка и скачете по нему, как белка.

— Я философ, — в руке парня появилось второе яблоко, — а ещё танцор.

— Это интересно.

Я танцевала с трёх лет. Мама рассказывала, что первые «па» я откидывала чуть ли не с рождения, но именно в три меня повели к педагогу.

— А у тебя хорошая фигурка. Дай угадаю, — Тед переместил гибкое, как у пантеры, тело на угол скамьи и пристально уставился на меня. — Ты тоже танцуешь. Но не бальница. Скорее уличный фольклор.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.